Андрей Шендаков

Утро в Ноябре

(лирическая поэзия)

Орёл
2020

ББК 84(2р)6
Ш 47

Издание осуществлено при финансовой поддержке Правительства Орловской области

Ш 47 **Андрей Шендаков**. **Утро в ноябре**. Лирическая поэзия. Орёл: Орловский Дом литераторов, 2020. – 120 с., илл.

«*Утро в ноябре*» – книга новых стихов орловского поэта Андрея Шендакова, члена Союза писателей России. Сборник включает в себя гражданскую, философскую, пейзажную, историческую и пр. лирику, разную по форме и содержанию. Поэтические эксперименты автора в книге представлены метафорическими текстами, а также необычными темами, с яркими образами и сравнениями. Автор многогранно и гармонично использует средства выразительной художественной речи. В книгу вошли некоторые стихотворения из сборника «Солнце на руках». Вступительное слово к книге дал Сергей Лаврентьевич Донбай, поэт, главный редактор журнала «Огни Кузбасса» (г. Кемерово), член Высшего творческого совета Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ.

© Шендаков А.И.
© БУКОО «Орловский Дом литераторов»

Узнавание поэта Андрея Шендакова

Впервые с Андреем Шендаковым я познакомился в Орле на фестивале-конкурсе «Хрустальный родник». Он, участник конкурса, назвал тогда рукопись своих стихотворений так: *«Нет ничего быстрее взгляда»*. И я узнал в нём поэта, потому что скорость взгляда у поэта вмещает такие понятия, как вечность, вселенная. И стихотворение, начавшееся приземлённым, провинциальным видом, может завершиться, достичь взгляда, уходящего за края Земли, в другие края. Оттолкнувшись от строчки «*Холмам кивает сонная крапива…»*, взгляд А. Шендакова улетает в даль земную и космическую.

И дальнейшее узнавание вызывало любопытство у меня, сибиряка: родился Андрей в городе Болхове, о котором я до этого слышал, как говорится, только краем уха, но теперь, на Орловщине, почувствовал родное, близкое русскому сердцу. Узнаю также, что автор защитил докторскую диссертацию. Казалось бы, что ему до стихов, а вот, поди ж ты, – поэзии все звания и лампасы покорны, когда:

Мне поёт незнакомая струнка
Ручейка – с поднебесного дна.

Это уже цитата из новой книги Андрея Шендакова «Утро в ноябре». В ней обращает внимание музыкальная составляющая. Так я определил для себя чередование сравнительно небольших стихотворений и пространных, свободных распевных раздумий, в которых автор как бы отпускает себя на волю. Он им даёт подзаголовок, не мудрствуя лукаво, – *лирические этюды*.

Если читатель захотел бы в этой книге отыскать лёгкие, пусто-весёлые, интимные с пошлыми намёками, с сексуальными картинками строчки и сюжеты, т. е. весь набор популярной сегодня и востребованной рублём литературы, то ничего у него не получится. Я этим не отпугиваю (ведь может показаться и так), а приглашаю к узнаванию поэта настоящих ценителей поэзии,

которых, уверен, нисколько не меньше вышеупомянутых «глотателей пустот», как разгадала их Марина Цветаева.

Автор книги в своих стихах заглядывает в далёкую историю не только России, но и Рима. Пытаясь понять, связать с ней наше время и нашу не столь отдалённую историю, происходившую на глазах наших отцов и на наших глазах. Хотелось в связи с этим сказать, что русскую историю можно изучать по произведениям Пушкина, Толстого, Тютчева, но упаси Бог, учить её по «архипелагам гулагам», и особенно в школе. Спасают от этого выстраданные к концу книги строки А. Шендакова:

Всё острее природы изъяны.
И светлее родительский дом.

Читателю только предстоит прочитать эту книгу. Мне же, автору этих размышлений о ней, не скрою, интересно узнать, что будет в следующей?

У поэта многое ещё впереди.

Сергей Донбай,
член Высшего творческого совета
Союза писателей России,
заслуженный работник культуры РФ.
(г. Кемерово).

I. *ЛУЧИ В ДОРОЖНОЙ ДЫМКЕ*

* * *

И. С.

Цветёт полынь – густа, горька,
холмы чадят июльским жаром,
ребристой просини валька
подобен месяц над ангаром;
темнеет медленно: едва
текут лучи в дорожной дымке,
почти не слышатся слова
в беседке, свитой по старинке;
над розовеющей кострой,
над крупной дробью черноплодной
весь свет пропитан берестой –
и отражён в воде холодной,
в забытой крынке родника,
где замирают даже тени
и к смятым стеблям тростника
склоняют путники колени;
где чуть заметная заря
струится в Оптину обитель
и, ничего не говоря,
порой скучает местный житель;
где окна вновь окроплены
огнями хлынувшей Вселенной…
Так будь же, скорбь моей страны,
всегда, всегда благословенной!

2012 г.

* * *

Между прошлым и будущим – яма,
Ведь у многих судьба не сладка,
А у стен старосельского храма
Смотрят куклы-матрёшки с лотка…

И такая находит неволя,
И такая сжигает тоска,
Что сквозь дымку низинного поля
Слышен хруст воскового песка:

То ли мёртвые, то ли живые
Восстают из глубин Бытия,
Вдалеке на щиты дождевые
Налетает огонь острия.

Зазывалы кричат голосисто:
Может, что-то ещё продадут.
Не востребован лишь у туриста
Неподъёмный крестьянский хомут.

17.05.2011 г.

* * *

А. В. Фролову

Что впереди?.. Рассудит Бог.
Но, к счастью, жизнь полна, как прежде:
закатный луч прильнул к одежде
заречных трав, пройдя сквозь смог

и склеив грани арматур
когда-то крепкого завода;
теперь почти везде – свобода,
теперь почти везде – гламур…

А рядом с городом цветы
и придорожная пшеница,
луны суконная петлица
глядит из жидкой темноты;

миры сплелись в небесный жгут,
и, словно гребни океана,
посадок волны из тумана
за мной бегут, бегут, бегут…

2011 г.

* * *

…А было ведь что-то, было
в распавшемся СССР:
как будто «Осеннее» мыло,
худел облетающий сквер;

окраина, пахшая тленом,
считала свои трудодни;
дежурила мама по сменам
в каком-то секретном НИИ.

Я слышал: «Завышены нормы»,
«ЦэКа», «перестройка», «обком»…
Затем наступили реформы
с пугающим, злым ветерком.

В раздувшийся зоб микроскопа
правительство видело нас…
О чём-то шепталась Европа,
скисался дешёвенький квас.

05-07.12.2011 г.

(прим. автора для молодых читателей): в 80-е годы в СССР, когда я был ребёнком, не было такого обилия моющих и пр. средств, как сейчас, да и то, что продавалась, иногда приходилось брать по специальным талонам. По моему предпочтению, мыло с названием «Осеннее» являло собой не самое лучшее парфюмерное решение, пахло оно лежалыми кленовыми листьями и, к сожалению, как любой дефицит, быстро заканчивалось (в этом стихотворении я осознано упростил рифму в первой строфе).

* * *

Я живу на Родине, как в тире…
В. Дронников

Сменили время… Что в итоге?
С утра по-прежнему темно,
В квартире сыро, как в берлоге;
Дождём исчерчено окно.

Над головой снуют соседи:
Им нелегко, как прежде, жить;
Вот-вот по улице медведи
Пойдут помойку ворошить.

А нам бы всё считать минуты,
Порой не ведая секунд,
Ведь нынче даже алеуты
Ракеты врыли в мёрзлый грунт.

Со всех сторон нас обложили…
Не знаю даже, чья вина:
Здесь речь о том, чтоб – или-или,
Моя «отсталая» страна!

Каких бы нанотехнологий
Ни предложил Чубайс теперь,
Ему – курорт, песок отлогий,
Нам – заколоченная дверь…

07.01.2012 г.

* * *

Я помню надпись: «БАКАЛЕЯ»,
А рядом с нею: «ГАСТРОНОМ»;
Среди витрин стоял, глазея,
Заезжий сельский агроном.

Чумазый день врастал в проёмы
Давно разграбленных церквей;
ТВ вещало про «подъёмы»
И урожай «родных» полей.

Футбольный грунт военкомата
Пылили пятки ребятни.
Навек ушли, ушли куда-то
Те «удивительные» дни…

2012 г.

* * *

Г. А. Попову

И снова, снова – я в дороге,
спешу на Северный Кавказ.
Ночные сумерки отлоги.
И не сомкнуть усталых глаз.

Всё тополя… Небесной льдиной
блестит простор, вагон креня,
и где-то дым – над Украиной,
так близко, близко от меня.

И снова, лучшего желая,
летит мятежная душа,
но Слово – истина живая –
почти не стоит ни гроша…

Всё ложь вокруг, как степь, бескрайна,
всё степь кругом – темна, лиха...
А где-то в небе, в небе – Тайна.
И поступь смертного греха.

08.08.2014 г.

* * *

Притупляются лучшие чувства,
замедляя Вселенскую ось…
Неужели любви и искусства
мне понять на Земле не пришлось?..

Крепнет злоба – всё глубже, всё ближе:
золотится дешёвая медь.
На одесские окна, афиши
невозможно без скорби смотреть.

Издевательства, пытки – рутина,
небо вздыблено дымкой рябой.
И линчует себя Украина,
как безумный техасский ковбой.

31.05.2014 г.

* * *

В августе травы сухие,
в августе глубже закат:
на перепутья лихие
первые листья летят.

Ярче дорожные грёзы:
тропки бегут к берегам,
но голубые стрекозы
реже садятся к ногам.

Небо дрожит наливное
в вечной своей высоте:
солнце – живое, иное –
льётся по млечной воде…

12.08.2014 г.

ИЮЛЬСКИЙ РАССВЕТ

Земля – корабль!
Но кто-то вдруг…
С. Есенин

На июльском прохладном рассвете
мимолётные ветры легки;
звёзды, словно древесные плети,
надевают тугие платки –

и уходят, не тронув пшеницы,
не примяв у дорог колоски:
в их поток, словно в цвет медуницы,
вплавлен привкус знакомой тоски.

Дремлют ангелы в тихом тумане,
где над пашнями сполох воздет.
А планета – корабль в океане –
всё плывёт и плывёт на рассвет…

лето 2014 г.

ПРОРОК
(баллада)

Светили звёзды, но – молчали
над бездной вздыбленной земли,
от их космической печали
с ума сходили короли.

Им поклонялись иудеи,
их возводили в божество,
но меркли все почти идеи
с попыткой знать их существо.

И вот один чудак с планеты
с простым названием Земля
их путеводные секреты
раскрыл всего за четверть дня.

Он взял перо, как меч из ножен,
и хладнокровно произнёс,
что Космос будет уничтожен
для зарожденья новых звёзд.

Смотрел властитель мутным оком –
надменно, грубо, свысока…
И нарекли в тот час Пророком
за дерзновенье чудака.

01.02.2014 г.

* * *

Эти стены безмолвны и с*ы*ры,
Но прислушайся – и различишь,
Как, сгущаясь, разряды-эфиры
Будоражат церковную тишь.

Пламенея, свеча восковая
Вдруг подкинет червонный дымок, –
И, заветную даль открывая,
Тихо щёлкнет старинный замок.

А за дверью нездешние люди
Ходят, свет смолянистый дробя;
Не пытайся разыскивать сути,
Сути сами разыщут тебя.

Здесь все мёртвые славны и живы,
Тени бродят по стёклам, дрожа...
И вдоль окон летит под оживы*
Испустившая тело душа.

---

*- от фр. ogive – стрельчатый свод в архитектуре.

17.05.2011 г.

* * *

Кому-то жить немного скучно,
Кому-то мир давно постыл...
А я живу благополучно,
Хотя и дворик мой уныл:

Забор с кривым утиным лазом
И дров сухая береста;
В колодце тонущим алмазом
Горит вечерняя звезда.

Но не для этой ли Вселенной,
Смотря с таинственного дна,
Живёт планета жизнью тленной,
Всего одна, всего одна...

2011 г.

* * *

Центр России, но – темень и глушь...
Летний вечер задумчив и жарок,
За кустами прифермерских груш –
Голоса недовольных доярок.

Пыль дорожная зла и горька,
Прожигает и кружится мглисто,
На тропинке – крыло мотылька,
За тропинкой – палатка туриста.

В алых пятнах закатная длань
Распласталась среди частоколов,
Будто снова идут на Рязань
Беспросветные орды монголов.

Золотист пепел здешних цветов,
Каменеет от пота рубаха.
На лесах меж церковных крестов
Курит плотник, по имени Ваха…

17.05.2011 г.

НОВАЯ ПЛАНЕТА

Мне снилась иная планета,
Мне снилась другая Земля…
Она была солнцем согрета,
Бескрайними были поля.

Просторы светились лучисто,
Но люди без скуки и бед
Здесь жили, наверное, триста,
А может быть, тысячу лет.

Как сказано в Древнем Завете,
Так длились уклады веков,
Поскольку на этой планете
Не ведали люди грехов.

Добром и любовью согрета,
Щедра, благодатна, мила…
Обычная эта планета,
Наверное, раем была.

28.08.2010 г.

* * *

Ушёл во тьму кровавый век,
но он оставил для потомков
печаль чернобыльских калек
среди обугленных обломков

былой страны, иных времён –
и Соловков, и турпутёвок:
когда-то был и я влюблён
в размах родительских маёвок…

весна 2011 г.

НОВЫЙ ГОРОД

(баллада)

I.

Мне снились ветры над травой
и древнерусские равнины,
где над холмистой синевой
лежали мёртвые руины.

Как брёвна, высветил закат
лучи над дальним перелеском
и под напевы канонад
плеснул водой по старым фрескам.

Воскреснув, лики и цветы
воздушный склон заполонили,
потоки яркой высоты
зажглись на высушенном иле.

Огнём пространство золотя,
прошёл по сердцу Божий холод.
И без единого гвоздя
восстал из пепла Новый город.

II.

По новым улицам текла
жизнь и размеренно, и смело;
луны багряная стрела
в закатном зареве летела.

Путь был великим – без конца,
в людском обычном совершенстве,
никто Небесного Отца
не упрекал в Его главенстве.

С рассветом отблески зари
горели в тёплых брызгах сини,
но в жертву добрые цари
богам народ не приносили.

Ходил Спаситель по воде:
и не распят, и вечно молод…
Я вдруг проснулся в темноте –
и захотел воздвигнуть город.

01.07.2013 г.

* * *

Огонёк в полусгнившей избёнке
Посреди потемневших полей...
А. Н. Апухтин

Среди холмов скитается река,
Шумят берёзы, локоны свивая;
Вдали петляет тропка полевая,
Взлетает шмель с поникшего цветка.

По мокрой глине горстками тепла
Плывёт закат, меня уже не грея;
Когда-то здесь была Гиперборея,
Но свой народ куда-то увела.

...Горька отныне летняя страда:
Пустых домов распахнуты глазницы,
Но далеко, как прежде, до столицы,
Молчит в колодце тёмная вода.

Село, село!.. Трава твоих лугов
Давным-давно не кошена, не мята,
Как будто снова за грехи расплата
Пришла на Русь из глубины веков.

17-18.08.2010 г.

II. «*ЛЕТЯТ НА РАССВЕТ ПАРУСА…*»

ХАНСКИЙ ДВОРИК

Жгучей пыли взметнувшийся веер
Пролетает по склону горы,
А в татарском кафе «Эскер Шеер»
Над тропинками балки стары…

На ветвях – сероватый оттенок,
На столе – старомодный кальян;
Разговоры задумчивых немок
Глушит дробная речь англичан.

Догоняя неспешного гида,
Замирает толпа у дверей:
В ханский дворик невзрачного вида
Смотрит тень, словно злобный Гирей.

Контур неба ребрист и нечёток –
С кислым привкусом слив и вина…
В деревянные бусинки чёток
Моя грусть навсегда вплетена.

2012 г.

* * *

Осколок кафельной луны
И бирюзовые бассейны,
А ветры с моря суховейны,
Лиманы мглой окаймлены.

Слащавый запах шашлыка
Вплетён в побеги бересклета,
Ютятся тени минарета
На зыбкой плоскости песка.

С полёта птичьего видны
Огни вечернего причала,
Грозы неспешное начало
Горит над гребнями волны.

авг. 2012 г.

* * *

Брату С.

Горячий Крым давно ли скучен?..
Ты потянулся в глубину –
В седую оторопь излучин,
В свою исконную страну.

Но не к истокам, а к Сибири,
Куда-то даже за Тюмень.
Ты разыскал в заветном мире
Красу пустынных деревень.

В них много стынущей полыни,
Таёжный шум разноголос.
А два патрона в карабине
Порой дороже папирос.

29.07.2009 г.

ЕВПАТОРИЯ

Весьма примечателен город –
С историей в тысячи лет…
Здесь мягкий, расслабленный солод
Над узенькой аркой воздет.
Искусственны пальмы на пляже.
Все дорого – что ни возьми.
Торговки с тюками поклажи
На берег приходят к восьми.
И белые львы, и палатки.
А в центре – приморский Арбат.
Здесь редко скупые осадки
Приносит заплывший фрегат.
В кафе зазывают на ужин
Мальчишки – агенты реклам.
И в парке фонтан обессушен,
И скромен по-крымски ислам.
Недавно открыт дельфинарий,
По меркам туриста – не мал…
Здесь где-то поблизости Дарий
От скифских племён убегал.

08.08.2012 г.

* * *

Помню сосны, вершины, откосы,
В жарком мареве солнечный край,
И твои золотистые косы,
И пылящийся Бахчисарай;

На лотке, в византийской манере
Неказистый широкий кувшин,
И летящие в узкие двери
Фары старых татарских машин.

За Баклой*, на горе за посёлком
Водопада стихающий гул,
И под лунным бугристым осколком
Мыс с изящным названьем Лукулл;

Словно эхо, шаги у причала –
Древних римлян почти голоса…
Одинокую яхту качала
Перевёрнутых звёзд полоса.

---

*- древняя гора в Крыму, но которой жили караимы.

2007,
2012 г.

КРЫМСКИЕ МОТИВЫ

(реминисценции)

I.

В этом городе – бриз
и стеклянные крыши раскопок,
древнегреческий след –
и колонны, и белые львы;
здесь, наверно, никто
не был слишком рассержен и робок,
здесь турист и торгаш,
а над ними – гуашь синевы…

Поутру, чуть рассвет –
сладко-пепельный дым сухогруза,
паруса над причалом
и ровные дуги аркад;
здесь порхает к ногам
потерявшая силы медуза
и высок на песке
бутафорский незлобный пират.

Всюду запах вина
и творенья нехитрых ремёсел,
всюду хмель и дурман,
горизонт, поведённый слегка;
здесь невидимый блик
к потолкам на галеры подбросил
постсоветскую грусть
и древесную смоль шашлыка.

Златокрылый архангел –
красивая девушка в гриме,
пересохших фонтанов

разъятые намертво рты;
захмелев, местный житель
твердит о «поруганном» Крыме
и о том, что пора
возвратить бы в Россию «порт*ы*».

На стене ресторана
улыбчивы древние греки,
замирают огни
над хребтами изрубленных плит;
здесь в июльскую ночь
тонут в смоге небесные реки
и, бывает, штормит,
и, бывает, полночи штормит…

II.

Уезжаю, чтоб вновь
через год, через два, через три ли,
возвратиться сюда,
на прогретый гезлёвский песок,
отсчитав по столбам
задымлённые в сумерках мили
и вдыхая с тоской
потонувший в лиманах восток,

где над блеклой травой
чуть заметно горит Бетельгейзе
и сидят рыбаки
на дощечках, спокойно куря;
где ночную луну,
словно высохший кафельный гейзер,
омывает волной
сквозь невзрачные листья заря;

где нам снились с тобой
древних греков гончарные печи
и смеялся ребёнок,
цепляясь за тросик кормы;
где, светясь, паруса
поливали латунью на плечи
и от крымской жары
хоть немного хотелось зимы.

Уезжая, всё жду
своего запоздалого рейса:
после шторма, в ручье
кувыркается жук-плавунец,
и блестит под луной
в тупике чуть заметная рельса,
и, вздымая простор,
серебрится небесный корец.

…Я напьюсь из него –
и когда-нибудь радостно, тихо
на апрельской заре
или в стылую зимнюю глушь
о далёких мирах
зашуршит на ветру облепиха.
И вселенская даль
потечёт, словно синяя тушь.

Евпатория-Орёл,
24-27.09.2012 г.

КЕРКИНИТИДА

Под сводом бежевых аркад
Я слушал шум ночного моря,
А вдалеке, виденьям вторя,
Едва заметно тлел закат.

Всё уплывало – день за днём:
Мечты, раздумья и обиды…
Огни былой Керкинитиды*
Смотрели в чёрный окоём.

----

*- название древнегреческого города, который находился на территории современного г. Евпатория).

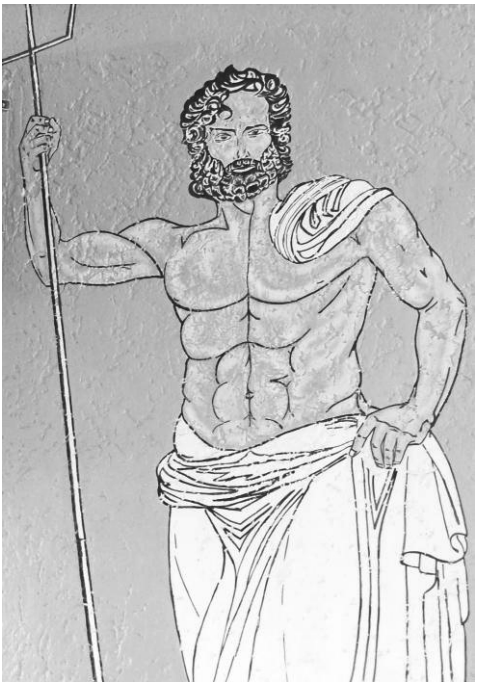
11.08.2012 г.

* * *

Над ночными лиманами – свет,
Свет луны и рыбацких палаток;
Ветер с моря и солон, и сладок –
С долгожданным дымком сигарет.

Тяжела у причала вода,
А в высокой листве тополиной,
Над расплывчатой бежевой тиной,
Как чешуйка, мерцает звезда…

15.08.2012 г.



МАЙОТТА

Прожигая небесное сито,
Остывает тропический шквал,
А в руках темнокожего гида
Оживает потёртый штурвал.

Бирюзовые волны в полёте
Ловят крыльями мёртвых медуз,
Всё спокойно пока на Майотте*,
Если ты – не богатый француз…

Зацветает ваниль над откосом,
И холмистая даль зелена.
Ароматным печёным кокосом
Из-под вёсел всплывает луна.

----

*- 101-й департамент Франции, расположенный в Индийском океане.

04.11.2012 г.

* * *

К причалу, на мокрые плиты
Туристы приходят с утра…
За столиком «Керкинитиды»
Хозяйка спокойна, хитра:

Блестит прейскуранта обложка,
В глазах – отголоски тоски;
Изящная чёрная кошка
С прилавка глядит воровски.

В остатках пахучего виски
Беспомощно тонет оса,
А вдаль сквозь солёные брызги
Летят на рассвет паруса!

----

*- ресторан «Керкинитида у моря»
(Керкинитида - древнее название Евпатории).

авг**.** 2012 г.

* * *

Вечерний Сочи душен, терпок;
с увядшим в кронах ветерком
он пахнет смолью диких веток
и кипарисовым дымком.

Спешат рассерженно маршрутки,
звучит гитарный перебор,
огни в домах легки и жутки
среди хребтов на склонах гор.

А в море, возле горизонта,
как отголоски новых дней –
следы военного эскорта,
косые тени кораблей…

09.08.2014 г.
(г. Сочи, ст. Мамайка)

СОЧИНСКИЙ МОТИВ

Этот город давно
не нуждается в яркой рекламе,
этот город давно –
и реклама, и дерзкий коллаж:
здесь от зноя луна
укрывается между хребтами –
и блестит маслянисто,
как будто кавказский лаваш.

Перепутаны горы,
дороги, высотки, лачуги,
перемешаны запахи –
хвои, магнолий, духов;
под июльской грозой
кипарисы легки и упруги,
на вершинах туман
и тяжёл, и немного махров.

Сквозь ребристую дымку
виднеется даль Дагомыса,
с каменистой волной
сплетены ручейки Уч-Дере*;
блики в море густы,
как отвар краснодарского риса:
расплываются пеной –
и меркнут в дикарском шатре.

Этот город, конечно, –
столица великого спорта,
но, увы, не столица
культурных и светских манер:
здесь туристы вдоль пляжей

гуляют расхристанно-гордо,
местный житель не смугл –
от работы озлоблен и сер.

Суета, пустота… Но, возможно,
мой взгляд субъективен:
слишком много хочу
от беспечных курортных недель.
Слава богу, здесь нет,
как в Крыму, дешевеющих гривен
и в прибрежных ларьках
можно детям купить карамель.

---

* - мыс и река в Сочи.

05.08.2014 г.

* * *

Здесь бывает гроза слишком редко,
но случилось: попал же, попал
я, как будто летящая ветка,
в этот долгий напористый шквал.

Паруса, намокая, обвисли, –
и, вздымаясь в раскатном огне,
неуёмные чёрные мысли
загудели, как волны, во мне.

Бушевала полдня непогода,
резал вихрь на крутом вираже...
Запах тины, ванили и йода
растворился в спасенной душе.

2012 г.

* * *

Мне снился Крым в осенних ярких красках,
подобно кисти Рериха, – цветной,
а на предгорных уличных развязках
рассвет дышал глубинной тишиной.

На дальних лозах, как вино сухое,
блестели брызги в дымке восковой,
и над хребтами солнце золотое
несло крылатый нимб над головой.

В едва прогретых заводях залива
горела соль на отмелях-лотках:
ночь уходила тихо, молчаливо –
в своих живых раскосых ободках.

Я всё смотрел – извечно, неподвижно,
как будто камень, в огненную высь.
И снилось мне, что где-то рядом Кришна
и что мои пророчества сбыл*и*сь…

05.04.2014 г.

III. *«И ВНОВЬ ОТКРЫВАЕТСЯ НЕБО…»*

* * *

Здесь всё меня переживёт,
Всё, даже ветхие скворешни...
А. Ахматова

Журавли еле слышно несут
Весть благую над миром-скворечней;
У плотины к проталине вешней
Подступает разлившийся пруд.

Ветер пахнет вишнёвой корой,
И сырым табаком, и духами;
Свет лампад разгорается в храме,
Луч с деревьев стекает смолой.

Боязливы огни автострад
Вдалеке, над курящимся смогом;
Снова мыслю в дороге о многом,
Вдохновенным видениям рад.

Ночь пасхальная снова темна,
Но в пустынной глуши переулка
Мне поёт незнакомая струнка
Ручейка – с поднебесного дна...

весна 2011 г.

ВЕСЕННИЕ ЭТЮДЫ

I.

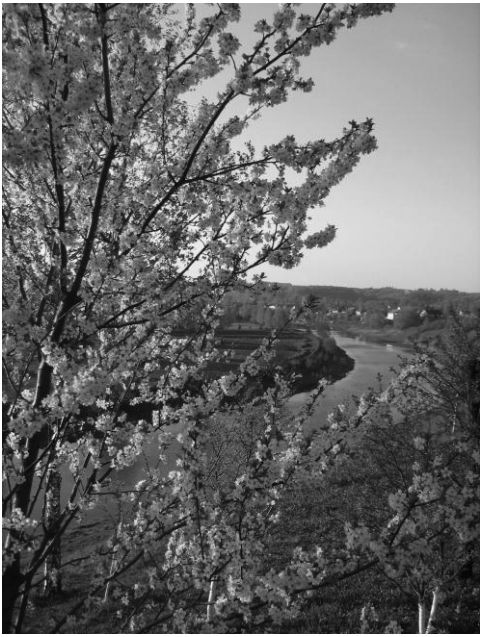
Запах молочной крапивы
вплавлен в рассветную тишь,
лёгкие ветры пугливы
в зареве скошенных крыш,
в травах, где небо волнисто
после ночного дождя
и серебрится пречисто
солнце, в лучах восходя;
в роще, сиренью овитой,
даль первозданна, нова,
а над дорогой разбитой
гулко поёт синева;
отзвук глубок, но не громок
в пологе зыбкого сна,
светом цветущих позёмок
улица зазелена,
там, где вдоль вечных течений,
холод пронзая насквозь,
в тонком огне откровений
меркнет Вселенская ось…

II.

Тихо, но ближе к обеду,
в россыпи терпкой пыльцы,
по родниковому следу
катятся ветры-гонцы,
с хрустом ломая осоки
и замирая в пыли,
словно незримые токи
к сердцу бегут от земли,
птиц – или ангелов? – стаю

высветив в дымке чужой;
словно я снова питаю
стынущий Космос душой;
словно, искрясь лепестками,
в лаве – в колодезной мгле –
звёзды парят над висками,
звёзды сгорают во мне,
пеплом простор заметая –
и не сжигая глубин:
в солнечном отблеске мая
я не один, не один!

13-21.05.2013 г.



* * *

Снова осень – и сердце всё глуше,
Всё протяжнее песня моя,
Словно ветер, вращающий души
И зовущий в иные края.

В восковые углы переулка
В зыбкой памяти смотрит свеча,
А рябины качаются гулко,
Над оврагами кровоточ*а*.

По листве рассыпаясь, каштаны
Покрываются робким ледком…
Всё острее природы изъяны.
И светлее родительский дом.

03.09.2010 г.

* * *

Вечерело – таинственно, строго:
Ярко-красным свеченьем снегов
В колыбели морозного стога
Тлели искры иных берегов.

Плавал дым над речной луговиной,
Отражённой в потоке небес:
С тенью плавной, размашистой, длинной
Шла Вселенная наперевес.

И во всём этом, тихо, огромно
Поглощая земные огни,
Пахли светом смолистые брёвна.
Догорали февральские дни.

2012 г.

* * *

Я уже забываю
из детства простые фрагменты,
потому что и сам
стал давно беспокойным отцом,
но порой, как узлы
перепутанной видеоленты,
дни спешат – и душа
наплывает воздушным кольцом…

Вспоминаю о том,
как однажды я ладил скворечню
неумело, из пары
дощечек с чужого двора;
как сажал у окна
и сирень, и жасмин, и черешню,
а затем возле них
собиралась в теньке детвора.

Воспоминаю родню
и отца в золотой бескозырке
с якорями на лентах
и надписью «Северный флот»,
и берёзовый сок,
и на тёплой тропинке опилки,
и дорожную пыль,
и дымков реактивный полёт.

Вспоминаю соседей,
друзей, и собак, и прохожих,
после радостных гроз
первоцветы раскрашенных дуг,
и в ручье дождевом
уплывающий блеск босоножек,

и размытый песок,
и зелёный раскатистый дух.

Вспоминаю всё чаще
упоение каждой минутой,
тишину, и покой,
и общение – без суеты,
шпиль графина над сдвинутой
к краю весенней посудой,
и в корце огоньки
родниковой прохладной воды.

Вспоминаю навес
и бумажные гильзы, без пулек,
маму в белом халате,
прабабушку с серым платком;
память вновь голосами
далёких ивовых свистулек
увлекает в поля
и к речушке с сырым островком…

Можно в спешке забыть
обо всём, что, увы, быстротечно;
можно, только – нельзя
жить, слагая лишь боль и раздор.
Вспоминаю – и вижу,
как вновь неразрывно и вечно
над окном моим детским
мерцает Вселенский простор!

23-24.09.2012

НА РАССВЕТЕ

Что я ищу в земном покое?..
Струится ввысь речной дымок;
Обняв село береговое,
Светлеет огненный поток.

В траве нескошенной, медвяной
Дрожит насмешливо роса,
В воде то мутной, то стеклянной
Петляет тропка-полоса.

Рассвет горит, течёт, мерцая
Последней утренней звездой:
Случайных птиц ночная стая
Безмолвно кружит над водой...

2010 г.

ВЕСНА

(лирические этюды)

I.

Режут землю тяжёлые льдины,
замирая в осоке сухой:
все пути и дороги едины,
те, что снова ведут за собой,
в дальний край, где я видел знаменья:
сквозь окно проступающий лик
и бурлящие вихри теченья,
под которыми к небу приник
целый мир – удивительно ярок,
целый мир – у подножья судьбы,
где ступени под сводами арок
уставали от вечной ходьбы;
где сиреневой дымкой, погостной,
наполнялись набеги дождя
и, заснув под телегой двуосной
пёс соседский скулил, холодя
мою душу – в огне поколений,
в рьяных вспышках, смывающих след,
а из сбитых о камни коленей
кровь сочилась, как жгучий рассвет;
помню тёплые гибкие струи,
окропившие светом стекло,
и спокойный напев аллилуйи
в час, когда мир пыльцой замело,
в час, когда пахло сыростью пепла,
конопляно-крапивным душком
и, сгущаясь над лесом, окрепла
ночь, вонзившая звёзды в ушк*о*;
ничего не забыто отныне:
вдоль откоса тропинка желта,
где вращались сплетенья полыни,

как пьянящие дуги винта
уплывающей в зарево лодки –
в тёплый отблеск, далёкий, живой,
опустивший созвездья-колодки
в тростники над зеркальной водой.
Мы пришиты к Земле – и в печали
Космос в нас неразрывен, един:
память плавит нездешние дали,
доходя до Вселенских глубин!

II.

Не весна – золотая купель,
где рассветные ветры играли,
а ветвей голубая капель
замирала в ночной литорали,
в звёздном пологе ярко светясь, –
и, плеснув горьковатого чаю,
с каждым мигом незримую связь
я теперь на листе воплощаю,
воспоминаю иное в былом,
неожиданно, честно, открыто,
и вхожу в свой сиреневый дом,
словно луч сквозь небесное сито:
вижу стол, молодую семью,
подступившую вдруг к радиоле,
и в углу, под часами, скамью –
без какой-либо значимой роли;
стынет в банках малиновый сок,
в лицах что-то – знакомо земное,
над калиткой щебечет лесок,
на веранде пылится алоэ;
слышу споры, вздыхания, гам,
и сквозь шторы – живой переулок,
и, как будто немного не там,
чей-то голос – спокоен и гулок,

чьи-то фразы – слегка холодны,
чью-то радость – ясна, многолика,
словно в раструбе возле стены
медно-солнечный блеск сердолика;
жернова на песке, жернова
на душе или выше – на Солнце,
словно вдруг восковая трава
оплавляет отбитое донце;
может, хлынувших звёзд пелена –
лишь кувшинка в разогнанной тине, –
необычно текут времена:
может, времени нет и в помине;
жизнь приходит на круги Земли,
память волнам Вселенной подобна:
на искристо-песчаной мели
проступают открытые окна…

III.

Земля в пыльце и улица в цвету,
на небе сполох бирюзово-млечный:
я разговор обыденный веду
и разговор, вполне возможно, вечный –
о днях моих, растраченных в былом,
и днях грядущих – призрачны и зыбки,
о берегах за пройденным селом,
и том, что были твёрдыми ошибки;
о том, что тлела в чашах сентября
листва, засыпав наледи навеса,
и падал луч, над окнами рябя
косую плоскость огненно-белесо,
ночную даль над заводью речной,
потоки звёзд из скошенного устья,
а в доме пахло проседью свечной
и тлели сны печного захолустья;

горел костёр, в черёмухах чадя,
за колеёй, тряся, как будто в сите,
и пыль речного мелкого дождя,
и прах небесный – что ни говорите;
я с каждым годом чувствую нутром
переплетенья – спайки-микросхемы:
и то, как тихо бродит дальний гром
сквозь рокот мощной Солнечной системы,
и то, как цепок липкий лунный свет
на груде щебня у речного брода,
и то, как ветром запросто воздет
закат к столбам секретного завода,
где в лица бил расплавленный свинец
и зеленели ёмкости с фенолом;
теперь кустится горький воронец
за городским неровным частоколом,
и есть, конечно, есть всегда, о чём
писать, о прошлом долго сокрушаясь,
и замирать пред истиной, ключом
открыть весь мир в поэзии пытаясь.
Приходит жизнь на млечные круги,
Судьба слепа, но всё ли, всё ли слепо?..
В водоворотах огненной реки
Летит пыльца с нахлынувшего неба.

2013 г.

SMS-ка

Летела во мгле электричка
с волнистыми крыльями штор,
какая-то странная птичка
пронзила июльский простор.

Пронзила – и вновь замолчала:
над озером мост грохотал,
в тумане чужого причала
лежал красно-жёлтый овал.

В пурпурной листве перелеска
мелькало небесное дно…
И вдруг – от тебя SMS-ка,
как фея, впорхнула в окно.

05.02.2011 г.

ЛЕТНИЕ ЗАРИСОВКИ
(лирические этюды)

I.

Пьянящий запах скошенной травы
и лип июньских жгучее цветенье,
протяжный крик невидимой совы
и первых звёзд волнистое теченье,
к которым сонно льются лозняки
над пристанью сырого косогора
и вдалеке, над просинью реки,
слетает блеск разрозненного взора –
косые вспышки северных зарниц
ревниво бродят, всматриваясь в лица,
и по дорогам заплутавших птиц
бежит с небес упавшая крупица;
земная пыль густа и солона,
там, где свисая сочно, у обочин
горит поток жемчужного зерна
и старый столб у леса обесточен;
где свет давно, не зная проводов,
струится – из глубин, из поднебесья,
как будто песня деревенских вдов
в глухих ложбинах русского полесья;
то встретится поникшая изба
с чугунным цветом съёжившейся дранки,
то из крапивы встанет городьба,
неся свои трухлявые останки,
то вдруг, как вихрь, серпы чужих подков
прорубят путь по заводям полыни,
невольно вздыбив поступи веков,
и пропадут в курганной тёплой сини;
контраст, огонь… упадок или боль –
я, словно свет, к России не ревную,
а может, есть какой-нибудь пароль,

чтоб осознать всю сущность неземную,
а может, есть… гадай иль не гадай
о вечных днях и зареве высоком –
свою судьбу неловкую верстай
к иным мирам и золотистым токам,
чтоб разглядеть ночные васильки
на берегах, где сумерки отлоги:
в протоках млечно-огненной реки
лежат пути, лежат пути-дороги…

II.

Гаснет тихое солнце июля,
горстку света к стеклу обронив,
и сквозь ленты волнистого тюля
льётся запах нескошенных нив;
за окном, в серебре мелководья,
хлипкий мостик рогозом овит,
деревянных домишек угодья
тонут в зелени тонких ракит;
видно всё: над холмистой ладонью
небо россыпью звёздной соля,
ветер ивы уводит к раздолью
и волнует едва тополя;
к серым стенам гимназии-школы
свален зимний строительный хлам,
в переулках пронзительно голы
строчки тропок, бегущих к домам;
к островкам и полоскам тимьяна
чуть заметно струится дымок,
где заря золотисто-румяна
и журавль над колодцем высок;
весь пейзаж по-земному печален
и по-летнему красно-лилов,
а из сумерек сводов и спален
снова слышен стрекочущий зов,

зов земли – необычен и редок, –
словно, судьбы незримо верша,
в глубине нависающих веток
замирает чужая душа;
словно тайно, над вскинутым звуком,
в бликах огненно-солнечных сит
чей-то ангел с приподнятым луком
у порога Вселенной стоит;
и разверзнуты горние выси,
невесом ярко-пепельный лён,
словно к млечной, возвышенной ризе
я горячей щекой прислонён;
словно вдруг, ухватив ту цепочку,
на неведомом, новом пути
покидает душа оболочку,
чтоб навеки её обрести…

III.

Пахнет морем над крышей подворья,
заметает тропинку жасмин:
это ветры средиземноморья
долетают до русских равнин –
из нескошенных трав и расщелин,
из едва обозримых высот,
из лугов, где по склонам расселен
родниковый холодный осот;
из-за поля, где рвы мелководны
под высоким ольховым шатром,
а на стылые старые копны
набегает редеющий гром;
глина липнет к теплеющим пяткам:
скинув обувь, иду босиком
к топким лужам, наполненным кадкам
за прозрачно-воздушным леском,
где так много ещё позолоты –

напорхавшей с дождями пыльцы –
и в кувшинки, как в полные соты,
смотрят с берега листья-мальцы;
где смыкают бока косогоры,
замедляя раскатистый бег,
и скрипят одиноко рессоры
заплутавших нездешних телег;
где игренево, с хрипом, задорно
кони-лошади рвут из травы
то ли чьи-то упавшие зёрна,
то ли блеск голубой тетивы,
водянисто натянутой к дугам
из цветастых полос-лоскутов:
над проснувшимся солнечным лугом
свет небес бирюзово-медов,
словно луч, забелённый в затоне,
дни вместивший за четверть часа, –
и срываются огненно кони,
над холмами качая леса,
громко хлопая крыльями ставней,
обрывая хозяйский аркан
и дорогой исхоженной, давней
уносясь в неземной океан…

IV.

Моя тоска – обыденна, слепа,
но так ли слепы русские напевы?.
Остановлюсь у серого столба,
войду в ночные тёплые посевы,
пересчитаю лики-огоньки
далёких хат и поднебесных строчек
и вдруг услышу голос у реки,
у камышей и одиноких кочек:
«…Открыт весь мир, его прими таким,
каким он был почти от сотворенья,

ведь мы, поэт, уже давно летим
вокруг живого млечного теченья,
где всё тобою впитано с росой
и молоком багряно-синих склонов,
под золотисто-блеклой полосой –
на уровне распавшихся фотонов,
на уровне свершившихся начал
и отголосков пепельной Омеги;
где пр*и*мет всех пустеющий причал
и вознесут нездешние побеги
к иным светилам, ярким, голубым,
кроваво-красным – огненно и гордо;
где поглотит любых скитальцев дым
за леденящим облаком Оорта*;
для Бога все, для Бога все равны:
певец, служитель или же старатель,
вы все для Мира – вечные сыны,
как завещал воинственный Создатель…»
Лицо закрою – и открою вмиг,
пытаясь вновь приблизиться к виденью,
к густой траве, как будто в шорох книг, –
под восковой прозрачно-лунной сенью;
но тихо, тихо… словно голос тот
исчез в воде, где блики синеоки,
но вдруг спокойно – с пристальных высот,
с уставших губ – слетают эти строки.
О Муза! Ты по праву велика,
и оттого легки мои печали
что тонет в лозах, в просини Ока,
а для меня – неведомые дали…

---

*- космическое облако вокруг Солнечной системы.

2013 г.

ПОЛЕСЬЕ
(летние этюды)

I.

Ты спасаешь меня от беды,
ты меня прожигаешь насквозь,
словно рядом, у тёмной воды,
кружит звёзды незримая ось;

словно где-то – в тебе и во мне,
между нами, всего в двух шагах,
целый Космос в небесном огне
засыпает на Божьих руках.

II.

О, миры – мимолётны, малы,
для души даже небо мало –
в позолоте полесской смолы,
сквозь слегка голубое стекло –

сквозь летящую дымку костра,
над извитой дорогой земной…
Ты светла и на слово – остра.
И любима поэтому мной.

III.

Над полесьем – сиреневый дым,
между нами – огонь откровений;
над потоком чужим, неземным
меркнут сполохи столпотворений

дальних звёзд, неизвестных миров,
где незримые души, взмывая,
будят отзвук цветущих ветров
на тропинках ушедшего мая…

IV.

И вот мы снова – где-то, где-то
молчим в безмолвии лесном, –
как будто хрупкая планета
бросает души на излом;

как будто в круге бездорожья,
где поступь неба холодна,
по нам проходит тропка Божья
сквозь грозовые времена.

V.

В небесном холмистом затоне
развеялся огненный дым:
я видел тебя на иконе
с младенцем, с младенцем моим.

Как будто осенняя птица,
окликнула небо душа, –
и с неба скаталась крупица,
земные прозренья верша.

VI.

Ты говоришь, что мы – другие;
что нам свобода не нужна;
что в звуках летней литургии
земная музыка слышна;

что в тихих крыльях пилигрима
насквозь Вселенная видна…
Ты искупительно любима,
ты удивительно умна.

08-09.06.2014 г.

* * *

…Зарекался сто раз
о тебе не мечтать
мимолётно
и подолгу мечтать
зарекался,
но где же итог?..
Только, видимо, вновь
в галереях
тускнеют полотна
и пустеют стихи
без надрывных
и трепетных строк.

Зарекался… Но вновь
в твоём взгляде
прозрачно-кофейно
отражаются звёзды
и плавают
брызги зарниц:
ты, конечно, сродни
тёплым сполохам
лунного Рейна
в окружении снов
и разрозненных
башен-десниц.

Разве могут связать нас
когда-нибудь
брачные узы?..
Разве можно огонь
превратить
в глыбы мёртвого льда?...

Ты приходишь ко мне
в вечном образе
ласковой Музы –
искромётна, умна,
восхитительна
и молода.

Я не знаю, что делать,
когда мы
всё ближе и ближе,
и не знаю, как быть,
когда в сердце
небесный поток:
я тебя увожу
под цветущие
летние ниши
и лечу на твой свет,
словно в засуху
тонкий листок…

О ВРАГАХ

I.

Бурлит, бурлит над миром бездна –
сопротивляюсь, как могу:
лучи приходят бестелесно,
следы оставив на снегу,
где тлеют отсветы рябины,
горят – и жгут, как холод сна, –
в нерукотворные глубины
течёт ночная белизна,
а я всё чаще, с едким жаром,
в неопалимой высоте
пишу стихи о мире старом
и днях, прошедших в немоте,
борясь с унынием, гордыней
и погружаясь в горький дым
над светло-бежевой пустыней,
где нет творцов и места им,
где нет порой начала Слову
и лишь глупцам не страшен гром;
где всё, к несчастью, по-иному –
с нечеловеческим нутром…

II.

Рвут на износ из бездны кони,
молчи, зови иль не зови –
дорога цвета махагони
лежит в запёкшейся крови,
где я один – безвестный воин,
унявший злобный легион,
оболган, ранен, обездолен,
как сицилийский Эвион*:
как пузыристый натиск ила,

враги бурлят, в лицо смеясь,
но для чего, враги, так гнило
меня толкаете вы в грязь?
Мятежны бесы – я мятежен,
мятежен путь планеты всей,
но есть сады, где сок черешен
пропитан душами людей,
где светом вычерчен отвесно,
воздушен мир, как будто лён,
и снова Богу в сердце тесно,
а лживый демон побеждён!

---
* - раб, поднявший восстание на острове Сицилия до н. э.

29.30.03.2013 г.

* * *

Осень – лирика в лёгкой тунике
С золотисто-пурпурной каймой,
В каждом тихом серебряном миге
Слышен Космоса вечный прибой.

С каждым шорохом гулко, отлого,
Проплывая над Млечной дугой,
Отзывается в сердце тревога
От природы прозрачно-нагой.

В каждом звёздном, плывущем карате
Поступь Бога: взлетая, сорви…
И так много вокруг благодати,
И так много незримой любви.

2014 г.

УТРО В НОЯБРЕ

Рассвет. Без пятнадцати восемь.
Едва ощутимый дымок.
А звёзды, упавшие оземь,
Прицельно глядят на восток.

Вращается чёрное небо, –
Вращаясь, дрожит Бытие;
За городом злобно-свирепо
Машина гудит в колее.

И вдруг – свет далёкой крупицы
Вонзается в зарево крон…
Играя, две хищные птицы
Закрыли на миг Орион.

11.11.2012 г.

ЗИМНИЕ ЗАРИСОВКИ
(лирические этюды)

I.

Шумит вечерняя дорога,
и, обходя земную ось,
луна, продрогшая немного,
луна, стеклянная насквозь,
вплывает в зимний перелесок,
в дымок искристо-золотой,
где ветер северный не резок:
пропитан пеплом и смолой
сосновых лап, зажатых настом,
стволов почти трухлявых слив;
где за дорогой, за контрастом,
овраг привычно молчалив
и в снежной кисти барбариса
багряны капельки-следы;
где вновь невидимая риза –
дорожный пар – течёт в сады
и, прикипев к кирпичной кладке
знакомых стен, нисходит луч,
а голоса уже не хватки
и отсвет огненно-колюч;
где, отблестев капелью редкой
едва оттаявших берёз,
тенисто-алой крупной сеткой
зажёгся снег – многоголос
в своём тугом глубинном хрусте
за тёмно-звёздной пеленой –
и нет уже ни звонкой грусти,
ни редкой радости земной,
а есть привычные начала,
есть что-то выше, чем строка,

как нас, творцов, ни обличала
молва живая свысока:
вся жизнь – под натиском Вселенной
смыкает странствий рубежи,
являя миру звук степенной
и проницательной души,
души, летящей по старинке
к своим мирам, в иной покой,
как диск галактики-пластинки
под чьей-то вскинутой рукой…

II.

Разыгралась метель – невдомёк
этой тёплой январской метели,
что горит над землёй огонёк
в смелом вихре её карусели,
подступившей к смолистым стволам,
и у дома размашисто-боек
ребятни несмолкающий гам,
окруживший сиреневый дворик;
что в колодце румяна вода –
от сияния, света и вспышек –
и, как будто звезда, золотá
карамель нависающих шишек
над окном… Это таинство строк,
новогодняя сказка из детства:
зимний воздух хрустально глубок –
от печали старинное средство;
но не знает метель, как тепло
от семейных недолгих застолий,
и о том, что не всем повезло
жить в достатке с советской неволей;
что ещё будет долго саднить
моё сердце, натянуто, хрупко,

как вольфрама ребристая нить
сквозь подобие медного кубка;
что с разрухой, нахлынувшей вдруг
после громких научных свершений,
отсвистел ветер огненных вьюг
по дорогам моих поколений;
что разряжена память друзей –
повреждённая цепь электрода –
и, как будто ночной Колизей,
воет остов пустого завода;
чертит ветер следы на снегу,
бьёт по окнам некрупной капелью,
я от мыслей ненастных бегу
к огоньку за январской метелью,
где лучей голубая листва
прирастает к заснеженным клёнам.
А в назначенный час Рождества
детский крик разлетается звоном...

III.

Эта тихая поступь – метель
водит душу по белому кругу,
где рассвета земная купель
наплывает от севера к югу,
навсегда поменяв полюса
моей жизни по-зимнему юной
и качнув облака-паруса
над бугристой заснеженной дюной,
отпылав мимолётно костром
ярко-огненных ягод рябины
и неловко шепнув мне о том,
как опасны чужие глубины,
как пространства времён велики
и по-детски загадочно-сонны
под наплывом небесной реки,

расплескавшей по вечности волны;
как тернисты и жёлто-седы
неподвластные разуму выси –
в восковом отраженье воды
задремавшие нотки «К Элизе»,
те, в которых, крылом озарив
смысл творения образно, мило,
лунный свет – отдалённый мотив –
уходящая ночь оживила;
серебристые ветры легки
и певучи в ложбинах окраин,
а собравший в сугроб угольки
луч надломленный Космосу равен,
равен Космосу след на снегу,
там, где в хвое разбуженных сосен,
отгоняя ночную пургу,
вспыхнул ангельский лик – грациозен,
светло-пепелен, розов, далёк
на морозном холме-аналое.
О, не Ты ли, Всевышний, навлёк
на меня это чувство живое,
что в метельной рассветной дали
смотрят звёзды с лихого откоса
и, как в зеркале, в сердце Земли
отзываются многоголосо…

IV.

Метель играет блёстками огней,
сливаясь в ярко-бронзовые вихри:
закат затих на шапках фонарей,
побеги яблонь медленно поникли
под тяжестью – и влаги, и снегов –
под россыпью искрящихся созвездий,
где зимний воздух терпок и суров
от повседневных пасмурных известий;

неспешно месяц сполохи пронёс,
игристый день убавил позолоту,
пронзителен и зло разноголос
январский мрак, прошедший по осоту
за городской оплавленной чертой,
где звон ветвей приземисто-холмисто
несёт в глухие чащи чередой
этюды снов – взволнованно, пречисто,
скрывая миг, а за секундой – час,
за часом – всё незыблемо былое:
земной закат почти совсем угас,
плеснув водой, как хрупкое каноэ:
и пар речной, и зыбкие мостки,
и каменисто-солнечные мели –
все наши вечно добрые ростки –
исчезли, словно вдруг оторопели:
убавилось на родине тепла,
под Рождество явились сны – не сладки, –
крылато ночь над миром потекла,
неся сугробов вздыбленные кадки;
не видно звёзд, не спится, тишина,
по дому бродят только окон тени,
судьба-судьба – тоской зазелена,
как будто свет ушедших поколений;
как будто нет ни плоти, ни души
у всей Земли: «мечтательная Эллис»
ломает льдом живые крепежи –
и меркнет книжный *homo noospheres*.
Но есть любовь, а мысль порой – не та,
небесный Гений вновь амбициозен:
узки людские млечные врата
лишь слышен шум
косматых зимних сосен…

2013-2014 г.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

I.

Как во мгле, далеки отголоски
Промелькнувших разрозненных дней,
А лучи на закате не броски
Возле старых знакомых сеней.

У порога поленница зыбко
Закрывает трухлявый забор,
Мёрзлой сажи искристая глыбка
Смотрит в тёмный небесный простор.

Породнить бы две огненных ниши –
Здешний мир и иные миры…
Снег слетает на тёплые крыши.
И доносится шум детворы.

II.

Застыло небо в чёрной тине;
Луна, сквозь ветви уходя,
Скатилась к высохшей полыни
В замёрзших капельках дождя.

А мне светло и как-то странно
В слиянье истин и времён:
Неповторимо, первозданно
Весь мир Творцом посеребрён –

И первым снегом, и свеченьем
Далёких звёзд в лесной тиши,
И млечно-пепельным теченьем
Моей души, моей души…

05-11.12.2012 г.

КРАНОВЩИК ИВАНЫЧ

(из цикла «Живописные портреты»)

Чуть хромает, но страшно ли это,
Коль строительству верно служил:
Догорает его сигарета,
А в глазах не вмещается пыл.

Наливая стаканчик «Зубровки»,
Иногда понукает жену;
Поправляет оконные шторки,
Вспоминая былую страну.

В домино же играет свирепо,
Может даже пойти на «таран»:
Часто снится Иванычу небо –
И крутящийся башенный кран.

06.01.2012 г.

* * *

И вновь открывается небо,
И вновь среди ночи не спится:
Летит над деревьями слепо
Вселенская Белая Птица.

А ветер упрям и покатист
Над сыростью зимних проталин,
Весь мир – «мимолётный анапест» –
По-прежнему парадоксален.

Душа окрыляет просторы,
Где Космос в эфире разлитом
Сжимает вдали косогоры
И тянет их вечным магнитом…

27-28.12.2011 г.

НЕБЕСНЫЕ РЕКИ
(цикл стихотворений)

I.

…И вот она – на блюдечке, бери,
осенний дождь её омыл изрядно,
плеснув, как брызги, солнечные пятна
к ногам неспешной северной зари;
и вот она – от медного гроша
и до седин ревущего пульсара
идёт к тебе ни молодо, ни старо,
на вечный круг вспорхнувшая душа,
в которой есть сплетенья всех времён
и, может, даже что-то неземное:
и мысль о Боге, и печаль о Ное,
и песнь ещё о тысячи имён;
она, как небо, ярко-голуба
и, словно море, с виду бестелесна,
её наружу вспененная бездна
горит звездой скалистого столба,
как будто в чащу ссыпанная соль, –
в таёжной мгле иль зареве болота
душа тиха, как тень ночного грота,
и холодна, как поздняя трифоль,
и горяча: нагая из шиншилл
она вздымалась, на руки бросаясь,
но, от неё стократно отрекаясь,
Творец иным простором дорожил;
не завершён землянин, человек,
глупцами вновь к душе презренье свито,
но все пройдут сквозь огненное сито,
сквозь глубину текущих к небу рек,
где нет, увы, ни снов, ни берегов
и тех, кто злобен и беспутно грешен;
где цвет уже совсем других черешен

лежит вокруг искрящихся стогов;
но всё-таки, моя душа, уймись,
на вольных скалах отдохни, не пенясь,
иначе нас с тобой сожгут за «ересь»,
а ты крылом пронзишь до срока высь.
Всё сказано. По-моему, сполна;
моих метафор смысл концептуален,
мой путь велик, хотя чуть-чуть печален:
летит над миром Млечная Волна!

II.

Как тяжело предчувствовать, страдая
и понимая тленность Бытия,
когда душа, уже не молодая,
идёт по тропке – кромке острия,
наточенному лезвию заката,
где луч нездешний плавится вдали
и бесконечно, тихо, виновато
плывут на юг ночные журавли;
где цвет листвы ещё багряно-розов,
а горизонт малиново-бордов
и далеко до северных морозов
с прерывным треском вымерзших углов
знакомых хат, – да где там, где тут хаты? –
давным-давно на кухнях тёплый газ,
и символичны нищенские платы,
и старомоден под забором лаз,
и я живу, по-моему, опрятно,
кручу приёмник – слушаю «себя»:
на Солнце вновь размашистые пятна
гудят, планеты волнами кропя, –
как шум души, поток Большого Взрыва
зажат в моей надломленной горсти;
как магнитит, притягивает ива
мой взгляд к окну… О Господи, прости.

Широк простор пустой многоэтажки:
разъехались, стучит ветвями клён,
больной сосед, любитель злой затяжки,
густой тоской, как лист, посеребрён;
и как-то вдруг немыслимо средь ночи –
возвышенна, спокойна и легка –
в противовес японской Тамагочи
живёт, летит на Млечный Путь строка;
и как-то сложно не подать и вида,
что всё горит, горит огнём внутри,
и «как-то всё обычно у Эвклида»,
и «светел смысл у слов Экзюпери».
За горизонтом тонут самолёты,
тону и я, предчувствуя, горя…
Миры спешат в свои живые соты,
дрожит в листве рассветная заря.

III.

И.

Уплывала на запад заря –
необъятно, возвышено, чисто –
и, сгущаясь в ручьях сентября,
тлела хрупким ледком аметиста;
ветер листья сдувал ко двору,
отзывалась спокойно калитка,
замолкала в знакомом бору
на тропинке церковная плитка;
обрывались людей голоса,
всё пространство текло, трепетало:
вновь кометы тугая коса
нависала к коньку сеновала;
окропив небольшой коридор,
там, где воздух прокурен и жалок,
ты мела свой обыденный сор,
вспоминая чертей и русалок,

споря с вечным невидимым злом,
и вела разговор «о культуре»,
и о том, что пустилось на слом
всё от русской «изысканной» дури,
и о том, что, свидетель всех стран,
неумело и как-то понуро
многоразовый грозный «Буран»
загнан в пыльный ангар Байконура;
а по радио – шелест и звон,
с серой кухни разрозненно блея,
утверждал: *«Всё решает ООН,
всё решает её ассамблея…»*
Кошки подло скребли на душе,
псы, не лая, сидели по будкам,
словно, плюнув в Союз, атташе
помутился военным рассудком;
всё немыслимо падало – вниз,
в никуда, не туда, ниоткуда,
как в «Солярисе»* вкрадчивый Крис,
повстречавший загробное «чудо».
Звезды мёрзли в сиреневых рвах,
млечным соком Вселенную клея…
На твоих еле влажных губах
отражался огонь Водолея.

IV.

…О мой ребёнок, жизнь, увы, – игра:
Шекспир был прав, во многом заблуждаясь,
но знал ли он, что всей Вселенной завязь
легко вместить на кончике пера;
что можно всё, конечно, превозмочь –
весь жуткий ужас вечной костоломки –
и, может быть, с тряпьём в своей котомке
пройти сквозь свет и неземную ночь;
что можно враз измерить времена,

предугадав события и даты,
и, бросив в пыль воинственные латы,
собрать для новых истин племена;
что можно видеть глубже и смелей
своей душой, подобно телескопу, –
и в кровь фашизма влипшую Европу,
и мёрзлый ад советских лагерей,
и над японским берегом закат
с ребристой вспышкой чёрной Хиросимы,
и, может, даже ядерные зимы,
давным-давно проникшие за МКАД;
и лживый Лондон, и дурной Техас,
и сжатый миг в зрачках сепаратиста,
и всю планету, взвинченную быстро,
как мяч футбольный, пнутый прямо в нас,
в косую сетку выстуженных звёзд, –
лови её, скорей лови, о Боже,
ведь есть на свете кое-что дороже,
чем небоскрёб иль многомильный мост:
и детский смех, и на песке следы,
и есть любовь, и есть пока свобода,
и, к счастью, есть спокойная погода,
когда лучи предзимние седы*;
промолвит скептик: «Не о чем твердить,
одно и то же, это было, было!..»
Но на ветвях сияет солнце мило,
пронзив сквозь мглу рябиновую нить,
а по ТВ – опять одна война,
от взрывов бомб Израиль фиолетов…
Не стоит мир и тысячи заветов,
пока ребёнок плачет у окна!

2013 г.

---

*- фильм А. Тарковского, по одноимённому роману польского писателя-фантаста С. Лема.

САХАРА

Тягуч и горек на губах
сигар обуглившихся дым:
турист, а с ним – прости, Аллах, –
высокий мавр несёт калым…

Пески смыкают адский круг,
верблюд упрям и бестолков,
но там, вдали, среди лачуг –
полсотни местных бедняков.

Слова попутчиков сух*и*…
И, словно свет в слепых очах,
Сахара копьями сохи
кроит свой вечный солончак.

2011 г.

НОЧНОЙ ВОКЗАЛ
(сюжет)

Оранжев смог над мостовой,
танцует дождь в неровных бликах,
а поездов протяжный вой
дрожит в советских базиликах –

среди колонн, внутри толпы,
во тьме ночной, луной разъятой;
как будто Ленские столбы,
ребристы пихты за оградой.

На рельсах свет голубоват,
огни дорожные пугливы,
как будто мир, летящий в ад,
небрежно пойман в объективы…

03-07.10.2012 г.

МАРСИАНСКИЙ ИГРОК

(с иронией)

Может быть, вы когда-нибудь спросите
Невпопад, невзначай, вразнобод:
Что два года искал «Кьюриосити»*
В пыльной окиси мёртвых пород?..

Что встречал он на стылой поверхности
И, колёсами склоны чертя,
Что увидел в немой неизвестности
На боку «слюдяного червя»?

В NASA знают, но люди обмануты:
Правда – в наледи папок и строк…
Попадает в нелепые ауты
Каждый раз марсианский игрок.

А на Марсе – полно радиации,
Есть в слоях и железо, и бром…
Нет, оставьте, безумцы, овации!
Не для нас этот брошенный дом.

---

*- марсоход, исследующий «красную» планету.

04.11.2014 г.

ДАЛЬНИЕ ЗВЁЗДЫ

I. Арктур*

Вечерний сквер тернист и хмур,
а в зыбкой проседи тумана
гигант, по имени Арктур,
пылает огненно, багряно:

взлетевший едко-горький дым
вплетён в его ночное лоно…
Он был в строке воспет Толстым –
под скрежет дальнего вагона.

Медвежий страж в хвосте ковша,
несущий тысячи пульсаций.
И сотни раз летит душа
к нему в порыве экзальтаций.

II. Бетельгейзе**

Неповторимо, скверно, гордо,
хвостами целя в блеклый свет,
кометы облака Оорта***
хранят немало лютых бед.

За далью Солнечной системы,
где атмосфера – сущий ад,
как будто выцветшие клеммы,
гиганты красные горят.

Один из них – как луч на рельсе
сквозь миллионы чёрных сит…
Когда взорвётся Бетельгейзе,
нам испытанье предстоит.

29.08.2012 г.

III.Сириус

Много лет назад Сириус пролетал
близко к Солнцу. Так инопланетяне
побывали на Земле.

Из TV-передачи

Ты манишь взгляд холодным блеском,
далёк, но всё-таки красив,
когда летишь над перелеском,
искрясь в листве высоких ив.

Вновь, обходя пути земные,
ты смотришь с огненных высот
на пирамиды слюдяные
и вихря чёрный разворот.

Кровав и зол, мудрец ли, старец,
предвестник вещего Христа,
вобрал пустынь песчаный сланец
в свои остывшие уста.

И вдоволь – ужас потрясений
среди морей и острых скал…
Не ты ли ад землетрясений
в проклятьях с неба посылал?

Горишь над бездною заката,
далёк и слаб, но сердцу мил,
ведь ты, о Сириус, когда-то
бок о бок с Солнцем проходил.

---

* и ** - звёзды, красные гиганты; *** - облако вокруг Солнечной системы, за орбитой Плутона.

21.02.2011 г.

* * *

С.

Искрятся капельки дождя,
Бросая брызги под навесом,
И я вдыхаю с интересом
Небесный шум в начале дня;
Струится в окна благодать –
Её я слышу, прозревая,
А в сердце струнка дождевая
Вшивает солнечную гладь:
Поток дождя – живой эфир,
Далёких странствий продолженье.
И я пишу стихотворенье
Как целый мир, как целый мир!..

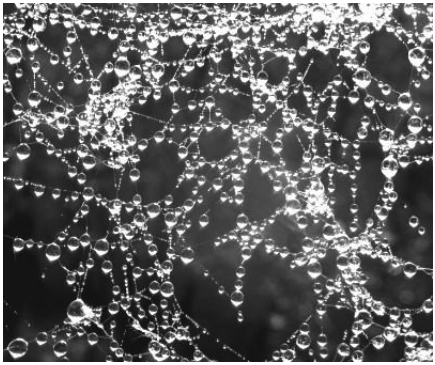
08.07.2011

* * *

Словно между землёй и Вселенной,
В глубине дождевой пелены
Звонкой музыкой – благословенной –
Серебристые капли полны;

Вновь ручьи набегают – шальные,
Разлетаются брызги – лихи…
Как миры неземные, иные,
Пробиваются к свету стихи!

2014 г.



* * *

…На бронзовом небе заплаты,
тропинка на склоне крута;
когда-то здесь жилы сарматы,
почти не оставив следа.

Теперь в серебрящийся пластик
одет возле города щит,
а ветер, как кожаный хлястик,
по древним курганам стучит:

«Вставайте, ведь близится эра,
не станет живых на Земле,
сквозь стылую просинь карьера
запустим сейчас по стреле!..»

Но вечность смыкает просторы,
которыми с детства пленён…
Рисует на бронзе узоры
безмолвная поступь времён.

01.07.2013 г.

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

Скажи: кто ты и кто твой дух?..
Откуда ты приходишь в строфы?
Быть может, с утренней Голгофы
Иль разговоров двух старух…

Из повседневности земной,
А может, из иных материй,
Где нет обычных суеверий.
Кто ты, лирический герой?

Ты знаешь больше, чем поэт;
Возможно, ты соавтор Божий,
Среди знакомых бездорожий
За мной плывёшь, как лунный свет.

Душой, энергией, лучом
Ты снова пишешь предложенье,
А я – твоё преображенье –
Почти не знаю ни о чём…

08.01.2012 г.

* * *

…Словом можно сжигать города,
Превращая строенья в руины,
И сметать, словно щепки, плотины,
Так, что плавится даже слюда.

Но гораздо сложнее, пройдя
Через всё это адское пекло,
Сделать так, чтоб душа не поблекла,
Словно радуга после дождя.

Словом можно убить – на века! –
И талант, и любовь, и свободу.
Но важнее, являясь народу,
Быть для мира огнём маяка!

07.09.2012 г.

IV. *РУДИАРИЙ*
(поэма)

РУДИАРИЙ[1]
(поэма о восстании рабов в Древнем Риме)

Mors sua, vita nostra.
(Его смерть – наше спасение.)
Древнеримское высказывание
из романа «Спартак».
Р. Джованьоли.

I. Вступление

О добрый друг, читатель мой,
Смотря в просвет чужого неба,
Я слышу пенистый прибой
У стен разрушенного склепа
С тупыми зубьями колонн,
Где между плит тропинки узки
И под камнями погребён
Царь, говоривший по-этруски[2];
Где, словно худенький плебей,
Противник римских околесиц,
По мачтам сонных кораблей
Идёт едва заметный месяц;
Где зрелищ требовал народ,
Кляня кровавые годины,
И в смоль диктаторских бород
Врастали пёстрые седины;
Где не найти знакомых лиц
Под мрачной аркой переулка
И сытых бронзовых волчиц
Отлил забытый скульптор Вулка[3];
Где входы призрачных гробниц
Темны, как скифские пещеры,
И Табуларий[4], павший ниц,
Хранит языческие церы[5],

В которых слипся дикий воск,
Как будто в скулах у шакала,
Но, отразив житейский лоск,
Здесь в мир латиница шагала,
И, может, даже в неолит
О битвах руны[6] возвещали,
И был чудесным башен вид,
В веках оставшийся едва ли;
Где шум на улочках Помпей
Напоминал пчелиный улей,
Но, извергая град камней,
Взметнулся огненный Везувий[7],
Горячий пепел поглотил
Деревья, арки, акведуки[8],
Владельцы древнеримских вилл
Такой не ведали разрухи.
Здесь воцарялся жгучий нрав
И презирался каждый кесарь,
А между вырытых канав
Был умерщвлён великий Цезарь[9];
Людские судьбы злом вершил
Диктатор Сулла[10] – кровопийца,
Но с дерзновеньем рабских сил
Восстало полчище фракийца,
Деля по-братски чёрный хлеб,
Который в поймах Тибра вырос,
А всех убийц постиг Эреб[11]
И осудил на муки Минос[12].
Порой от рыхлых римских стен,
Оставив свой конклав и залы,
Плывёт среди былых арен
Душа Валерии Мессалы[13],
Навек влюблённой в Спартака,
За что в неё и Квинт Гортензий[14]

Бросал немного свысока
Косые стрелы злых претензий;
Порой и солнца лёгкий лимб[15]
Прильнёт к её лучистой столе[16],
И ярко высветится нимб,
Как будто горстка едкой соли.
Жена тирана не свята,
Хотя любви её свобода
Преобразила города
Чуть-чуть прозревшего народа.
Века туманные прошли,
Сменились моды поколений:
Капитолийский холм – в пыли,
В зелёной плесени строений.

II. Из истории Древнего Мира

Итак, назад – в давнишний Рим,
Меж миром злым и миром горним,
О них, мой друг, поговорим
И кое-что, пожалуй, вспомним –
О том, что где-то на краю
Испепеляемой Европы
В своём незыблемом строю
Стояли тихие Родопы,
Где вождь фракийский пас овец,
Был справедлив и сердцем светел,
Но, словно слабенький юнец,
Попал, увы, на римский «вертел»;
На Крите грозный Минотавр[17]
Брал в дань изысканных южанок,
А стук божественных литавр[18],
По сути, был убог и жалок;
Отважный юноша Тесей[19],

Чьи мышцы были злы и ладны,
Мстил за растерзанных друзей,
Спасаясь нитью Ариадны[20];
Дворцы с колоннами создав,
Сложили клинопись шумеры[21],
Среди языческих орав
Война, увы, не знала меры,
И превратились в прах цари,
И в бездну сгинули матроны[22]:
Лишь свет оливковой зари
Летит на мраморные троны,
Лишь тексты глиняных таблиц
Вещают миф о Гильгамеше[23];
Слова и буквы в виде птиц
Теперь встречаются всё реже,
Пустынны склепы пирамид,
Истлел Хуфу[24] – каирский гений,
Но время вряд ли разорит
Фундамент каменных строений...
Итак, могучий Древний Рим
Был не древнее, чем Урарту[25],
Но, погружаясь в лютый дым,
Он ставил многое на карту
Своих блистательных побед
При покорении народов,
На бланках гипсовых газет[26]
Хваля сражения походов
И низвергая палачей,
К несчастью, тоже палачами:
Под звон отточенных мечей
И Квинт прославился речами,
И сицилиец Марк Лепид[27],
Корыстный заговор лелея,
Был вскоре наголо разбит

Войсками дерзкого Помпея[28],
Который счёл триумвират
За блеск диктаторского трона
И, словно греческий пират,
Казнил «преступного» Карбона[29].
Помпей в сраженьях знал резон,
Но выбыл в битве при Фарсале.
«Бежал в Египет, был казнён...» –
Газеты римские писали.
Честолюбивый консул Красс[30],
Вошедший в сговор с Эвтибидой[31],
Душил порыв народных масс,
Но в мир иной ушёл с обидой
На хладнокровнейших парфян,
А в жарком стане гарнизона
Самоубийства злой изъян
Спас от насилия Катона[32].
Второй Пунической войны[33]
Не утихало в Риме эхо,
Но все диктаторы – больны
В мечтах о близости успеха...

III. Спартак на арене

Во время доблестных боёв
Молчал задумчиво ланиста[34],
Но, несмотря на смертный рёв,
Была Валерия лучиста,
Поскольку на песке арен
Сражался гордый полководец,
Не так давно попавший в плен
Пастух, фракиец и родопец
В одном лице – герой Спартак,
Чья мощь была неукротима,

Чьё имя тлело на устах
У всех свободных женщин Рима,
Которым, вопреки нутру
Изощрённой царской свиты,
На обжигающем ветру
Взбешённо вторили квириты[35],
Крича: «Спартак, мечом рази,
Ведь твой противник обессилен!..»
Рабов, терзаемых в грязи,
Снедал диктаторский Эскв*и*лин[36].
Здесь были все: Лукреций Кар[37],
Лепид, Гемелл[38], бывал и Цинна[39],
В тени сидел, пуская пар,
Братоубийца Катилина[40]...
В тот миг, с рабом задумав связь,
Чуть-чуть нахмурилась Мессала,
Ведь, с мужем честно разойдясь,
Она о Сулле тосковала,
Который, видимо, завлёк
Её обманчиво и яро,
А в женском сердце уголёк
Легко доходит до пожара,
Но так же быстро гаснет он
Под властью подлого тирана.
Спартак, отдавший ей поклон,
Был чем-то вроде талисмана –
С разбитым надвое щитом
И мускулистым, крепким торсом[41];
На шлеме тёмно-золотом
Качался гребень с редким ворсом:
Ослабший раб, едва живой,
Готовый броситься на гравий,
Но вдруг, спасаемый толпой,
Спартак – почтенный рудиарий...

А вечер робко заглянул
К матроне в дом и листья тронул,
Как будто, слыша боя гул,
С небес, как гром, спустился Р*о*мул;
Как будто снова на песке,
Вдали от мраморного трона,
Сидела в думах и тоске
Прекрасноликая Юнона;
Как будто в зареве огня,
Среди воздушных белых литер[42],
Беспутных кесарей казня,
Ходил встревоженный Юпитер;
На валунах Нептун дремал,
А Веста храм боготворила,
Луны отколотый опал
Лежал за морем, в дельте Нила;
Сырая кладка мостовой
Напоминала волчьи шкуры,
Актёр с раскрытой головой
Шагал в густую мглу Субуры[43].
Рим, погрузившийся на треть
Во тьму, не знал, что будет завтра:
Его народ желал хмелеть
От щедрых битв амфитеатра.
Какой-то нищий вынул нож,
В углу коза металась, блея.
А наш герой был не похож
Ни на раба, ни на плебея...

IV. Знамение

Холодный мрак ноябрьских ид
Плыл по земле, тиранов ссоря,
И знаменитый остров Крит
Жил неспокойно в центре моря,

Весьма прославленный тогда,
Увы, пиратскими делами[44]:
Вздымалась чёрная вода,
Лучи бросая над холмами,
Как будто было суждено
Волне прервать земные силы,
Свет испускавшие на дно
И цицероновские виллы,
Вокруг которых нищета
Дралась за скромные подарки
И, разверзая блеск щита,
Помпей стремился в олигархи[45];
Глубокий Тибр, как крокодил,
Хрипел под каменными львами,
Но вдруг – петух заговорил,
Весьма разборчиво, словами...
Знаменья новость поутру
Распространили балагуры;
Орлов считая на ветру,
О судьбах спорили авгуры[46].
Блуждали мысли мудрецов:
Что Рим окутают пожары
И, воссоздав былых отцов,
Воскреснут огненные лары[47];
Что в Рим придёт вершитель Мом[48]
И с хрустом дьявольского лая,
Бросая остр*о*крылый гром,
Всех поглотит, дома сметая;
Что, растопив бугристый лёд,
Из перерубленных артерий
Убитый раб рекой зальёт
Богатый римский эргастерий[49]
И, в завершенье, по весне,
При виде варваров робея,

Умрёт Валерия в огне,
Сгорит, как белая трабея[50].
Входили римляне в экстаз,
До рвоты спорили и выли,
И даже серый Грекостаз[51]
Покрылся слоем медной пыли,
А между тем, старинный Рим,
Не видя истинных трагедий,
Грустил во мгле, как будто мим:
Был Рем и Р*о*мул. Кто же третий?..
Где ты, спаситель всей страны?
Неужто вновь нагрянут оски[52]?..
Второй Пунической войны
Такими были отголоски.
Плебеи многих злых племён,
Вином топя свою рутину,
Порой не помнили имён,
Но знали твёрдо Либитину[53];
Шумел народ, а в поздний час,
При мощи всех телесных линий,
Спартак метнул огни из глаз,
Войдя в диктаторский триклиний[54],
И, перед Суллой обомлев,
Пытался взгляд поднять на небо:
«Сразись и ты!..» – как будто лев,
Тиран потребовал свирепо.
На счастье, слыша этот крик,
На пир в тот миг пришла Мессала –
И отступил хмельной старик,
Хотя ворчал: «И ты восстала...»
Полночи бронзовая тень
От ног её текла в дурмане,
Тиран на следующий день
Постыдно умер в римской бане...

V. Начало восстания

Войну испробовав сполна,
В Европе граждане стонали,
Как будто мутная волна
В глубоком мраморном канале,
А грохот консульских колёс
По миру гнал лихие спицы,
Но не спасенье людям нёс
Оскал прославленной волчицы,
А смерть, несчастье и развал
Таились в этом долгом свисте –
И Луций[55] заговор созвал,
Дал денег лучшему ланисте,
Чтоб он страну освободил
От повседневных диких оргий
И от сенаторских кутил,
Пройдя с мечом свой путь недолгий;
Чтоб, может быть, в глуши эпох,
Над погребёнными вздыхая,
Страна не знала ни пройдох,
Ни всех потомков Архелая[56];
Чтоб под листвой невзрачных крон,
Войной Сицилию пугая,
В Эребе мрачный Эвион[57]
Держал поверженного Кая[58]
И, в свой последний царский пир
Пропев весьма разноголосо,
Разбитый наголову Пирр[59]
Лежал под стенами Аргоса;
Чтоб, может быть, во тьме хмельной,
По воле Суллы или Цинны,
Не раздавались над страной
Легионерские букцины[60]

И всех убитых на войне,
Ведя в тиши тропинкой лисьей,
Покоем радовал вдвойне
Благоустроенный Элисий[61]...
К несчастью, Сура[62]и Цетег[63],
Чьи речи были голосисты,
Скрип гладиаторских телег
Внимали словно колонисты
И, развязав интриги нить,
Точили лезвия трезубцев,
Да что теперь и говорить:
Они похожи на безумцев.
А верный доблести Спартак,
Не знавший этой теоремы,
Презрел диктаторский бардак
И древнеримские триремы[64],
Желая всем живым рабам
Дать долгожданную свободу
И по кровавым вражьим рвам
Нести спасение народу.
Честолюбивый консул Красс,
Противник ветреного риска,
Считавший каждый грязный асс[65],
Однажды встретился с ним близко;
Об этом – позже, а теперь,
В беспечный миг ушедших суток,
Открыв в своём конклаве дверь,
Вдова оставила рассудок
И накануне важных дел
Скользнула пеплумом[66] по залу:
Спартак в объятиях горел,
Боготворив давно Мессалу;
Он и представить вряд ли мог,
Что жизнь ему подарит завтра

И что ему закрыт порог
Для сцены подлого театра,
А вскоре были – бой, побег,
Вооруженье, переходы
И первый воинский успех
Вождя, сплотившего народы.

VI. Первые победы

Три дня весь Рим негодовал,
Сервилиан[67], ругая фурий[68]
И восходя на перевал,
Смотрел сквозь дымку на Везувий,
Где выступ вздыбленной скалы
Был под деревьями отломан
И шум восторженной хвалы
Спартак внимал, как птичий гомон,
А в небе огненном сапфир
Над Римом плавился, мерцая,
Когда рабов живой кумир
Припоминал расспросы Гая.
Но Цезарь видел в бунте прок
Лишь из своих далёких выгод
И много раз, беря клинок,
Для них искал скорейших выход;
Однажды был почти казнён,
Но спасся, к горечи сената
Собрав могучий легион,
И знал, что близится расплата,
А потому и, не боясь
Ни палачей, ни рабских копий,
Месил в ночной таверне грязь,
Сказав, что всех предаст Метробий[69]...
Забыв о Цезаре, Спартак

Не спал, ресницы поднимая,
И восхвалял огонь атак
И верность друга Эномая[70];
Он вспоминал печаль потерь
Под аркой, слепленной из гипса,
И то, как хрипло бились в дверь
Потоки призрачного Стикса[71];
Как, осветив едва конклав,
Под стать луне надменно-хитрой,
И тусклый луч к стене послав,
Фитиль качался над клепсидрой[72];
Как перелёт седых ворон
Как будто шутку трагифарса
Над Суллой принял Ахерон[73]
На погребальном поле Марса[74]...
Рождались мифы из легенд,
И вряд ли кто осудит это.
К началу мартовских календ[75]
Спартак на склоне ждал рассвета,
А утром всё и началось:
По воле грозного Тарана,
С горы, качнув земную ось,
Ланиста гнал Сервилиана.
Мечтая мстить за свой позор,
К горе пришёл Мессала Нигер[76],
Но не сломил бунтарских гор –
И кровь с лица ладонью вытер...
О честном сердце Спартака,
Как будто вихрь, промчалась слава.
«Отца он ранил лишь слегка...» –
Доносчик слышал из конклава –
Корыстный, глупый, пьющий мим,
Помадой красивший седины,
А весь развратный чёрствый Рим

С тоской смотрел на Аппенины,
Рождая собственный успех
На древках вскинутых полотен
И с пеплом смешивая тех,
Кто был в душе всегда свободен;
Рим утопал и в серебре,
И в простоте глубоких линий,
Но в мимолётном сентябре
От рабских стрел бежал Вариний[77],
Кривя в немом испуге рот
И проклиная слуг Эреба,
А римский люд просил щедрот
И, как всегда, немного хлеба.

VII. Искушения Спартака

Не утихали мятежи
И политические ссоры,
Сенат сражений чертежи
Свёл, наконец, в переговоры;
На документе у гонца
Блестела крупная ависта[78],
А речь его, как у скопца,
Была запутанно-бугриста:
Гонец сказал, что наш герой
Жениться может на Мессале
И, если хочет, даже в бой
Идти под римские скрижали,
Чтоб усмирить былую прыть,
А для особого эффекта
Он может квестором побыть
И даже в должности префекта,
Ведь Рим рабов благословит:
Не будут «варвары» распяты,

Когда пути своих планид
Вернут в обычные пенаты...
Но в них, к несчастью, каждым днём
На ублажение квиритов
Раба могли убить копьём
Под крик плебеев и пиитов;
В них, слыша шелест львиных грив
Под сенью мраморных трапеций
И смысл природы прояснив,
Постиг материю Лукреций;
В них каждый день струилась смерть,
Рождая лютые кошмары,
И в роковую круговерть
Смотрели с рвеньем консулары[79],
А нищей плакальщицы[80] труд
Не стоил четверти квадранта[81],
Но, разрывая тяжесть пут,
Спартак блеснул огнём таланта...
Всё это ведая, Лукулл[82],
Посланник вражеского Рима,
Вдруг от ланисты отшагнул
В клубы эребовского дыма,
Ведь от циничной простоты
Спартак, как будто воин ада,
Вмиг озверел до слепоты,
Гонцу напомнив Митридата[83].
Гонец исчез в пыли дорог,
А рудиарий без остатка
Вновь по Мессале занемог,
Но мысли путались несладко:
Махнув ладонью по огню,
Он видел в горечи забвенья
И предстоящую резню
И смертный час перерожденья,

Когда наступит время «икс»,
Вращая огненную лаву,
И солнце сквозь постылый Стикс
Пронзит тумана латиклаву[84];
Когда Постумия[85] придёт
К холодным церам в Табуларий.
Но всё увидеть наперёд
Не мог бессмертный рудиарий...
Не разнимая крепких рук,
Крест-накрест сложенных к тунике[86],
Спартак глушил сердечный стук,
Как будто голос в базилике[87].
В тот поздний час не спал сенат –
И обсуждал паденье Нолы[88] ,
Мечтая, что, разлившись, Пад[89]
Рабов вернёт к ланистам в школы.
Накрытый сумраком Парнас[90]
Тонул в сети дорог-извилин,
Ведь рудиарий Рим потряс,
Ведя восставших на Эскв*и*лин!

VIII. Последний бой

Побед неслыханных не счесть,
Но смерть настигла Эномая,
Гречанка выстрадала месть,
К врагам пришла, слегка хромая,
А хитроумный консул Красс,
Пустивший в лагерь Эвтибиду,
Её запутанный рассказ,
Увы, не выпустил из виду,
И молодой контуберал[91],
Достойный фурий подземелья,
К своим отрядам прошагал
И задыхался от безделья.

В последней битве полегли
Легионеры и герои:
Дымясь, сгоревших тел угл*и*
Лежали, как на стенах Трои[92];
В невозмутимый мёртвый Стикс
Ушёл солдат, а не убийца –
Клинком сражённый Арторикс[93],
За ним – возлюбленная Мирца[94];
Спартак последним сном уснул,
Не оставляя легионов:
Бесплодно щурился Лукулл,
Ходя среди кровавых склонов.
Сенат безбожный ликовал,
Наговорив немало вздора,
И восковой луны кимвал[95]
Сплетался с молниями Тора;
Собрав огонь всех злобных фибр[96],
Рим погрузился в смерч амбиций –
И, распинаясь, прыгнул в Тибр
Какой-то старенький патриций[97].
Текло цекубское вино,
Портной с плебея делал мерки,
А вместе с ними, заодно,
Гадали глупые луперки[98]:
«Кто спрятал тело Спартака?..»
Гудели мутные каналы,
Застыла чёрная строка
Под кистью плачущей Мессалы,
Ведь лишь она, она одна,
Весьма почётная матрона,
Всю горечь выпила до дна
По воле мрачного Харона,
Храня любовь в остатке лет
К герою, другу, полубогу,

Любимцу женщин и побед,
Вселявших римлянам тревогу;
Ведь лишь одна её страна,
Преумножая страх в народе,
Была диктаторам верна
И не верна людской свободе...
В песок бросая лёгкий хруст,
Колёса вздрагивали где-то,
Блестел ночной колонны фуст[99],
Струилась тихая фугетта[100].
Умолкло всё, но, как ни жаль,
Вселяя в сердце беспокойство,
Беды давнишней литораль[101]
Имеет правильное свойство:
По миру делая круги,
Она бурлит, как русло Стикса,
И многотонные шаги
Гремят внутри сырого гипса.
Кто знает?.. Может быть, вот-вот,
Метнув ногой плебейский гравий,
Из-под разрушенных ворот
Безмолвно выйдет рудиарий...
Века туманные прошли,
Сменились моды поколений:
Капитолийский холм – в пыли,
В зелёной плесени строений!

---

[1]- гладиатор, получивший свободу.
[2]- одно из племён, населявших Италию в древности; их письменность стала основой латыни.
[3]- по легенде, Рема и Ромула вскормила волчица; этрусский скульптор Вулка из города Вейн отлил её из бронзы, она стояла на Капитолийском холме, однако, в действительности, этруски начали строить Рим ещё до Рема и Ромула.
[4]- здание для хранения документов, государственный архив.

[5]- дощечки для письма, залитые воском.
[6]- rūna – на древнеанглосаксонском и древнескандинавском означает «тайна», первые письмена древних людей.
[7]- извержение Везувия поглотило Помпеи в 79 г. н. э.
[8]- от лат. aquaeductus – мост для перевода через овраг водопроводных труб.
[9]- Гай Юлий Цезарь (род. в 100 г. до н. э.), был убит заговорщиками.
[10]- Луций Корнелий Сулла Счастливый (138-78 г. до н. э.), римский диктатор с 82 по 79 г. до н. э.
[11]- самая мрачная часть подземного царства.
[12]- по верованиям древних греков, сын Зевса, царь острова Крит, ставший после смерти судьёй в подземном царстве.
[13] - последняя жена Суллы.
[14]- Квинт Гортензий (114-50 г. до н. э.; судя по генеалогическому древу, дядя Валерии Мессалы, а не брат, как сказано у Р. Джованьоли).
[15]- от лат. limbus – кромка, кайма, видимый край диска небесного тела.
[16]- длинное, просторное платье древнеримской женщины.
[17]- согласно мифам Древней Греции, на острове Крит жил царь Минос, которому Афины выплачивал дань – семь юношей и семь девушек; их пожирал Минотавр, чудовище с туловищем человека и головой быка.
[18]- от гр. (po) ly, т. е. много, taura – барабаны: ударный инструмент.
[19]- герой мифа, отправившийся убить Минотавра.
[20]- героиня мифа, дочь Миноса, давшая Тесею волшебный меч и клубок ниток, чтобы он вышел из Лабиринта, где жил Минотавр.
[21]- древнейший народ, создавший в Азии к концу 3000 до н. э. уникальную культуру, включая письменность и библиотеки из глиняных таблиц.
[22]- почётные замужние женщины в Древнем Риме (от лат. matrona – мать).
[23]- герой эпоса, первое упоминание о нём уходит в XVIII-XVII вв. до н. э.
[24]- Хуфу на древнеегипетском языке означает Хеопс.
[25]- государство Урарту, или Биайми, возникло в IX веке до н. э. на территории, ныне называемой Армянским нагорьем.
[26]- «Acta diurna populi romani», или «Ежедневные ведомости римского народа», – гипсовая газета (доска, покрытая гипсом) выставлялась по приказу Цезаря. Отражала важные правительственные акты.
[27]- Марк Эмилий Лепид в 80 г. до н. э. занимал должность наместника Сицилии, пытался уничтожить расположения Суллы, но был разбит Помпеем.
[28]- Помпей Великий (106-48 г. до н. э.), римский государственный деятель и полководец, в 60 г. до н. э. участвовал в первом триумвирате с Цезарем и Крассом, но в 49 г. до н. э. разошёлся с Цезарем, был разбит при Фарсале, бежал в Египет, где был убит.

[29]- Гней Карбон – приверженец Мария, противник Суллы, консул в 85-84 г. до н. э., казнён в 83 г. до н. э. по приказу Помпея.
[30]- Марк Красс (114-53 г. до н. э.) – сторонник Суллы, обогатившийся во время проскрипций, разбил войско Спартака. Погиб в войне с Парфией.
[31]- согласно роману Р. Джованьоли, корыстная гречанка, из-за безответной любви предавшая Спартака.
[32]- Марк Порций Катон (95-46 г. до н. э.), государственный деятель консервативного направления, во время гражданской войны бежал на Сицилию, к Помпею, затем в Родон. Обороняясь в Утике (Африка), совершил самоубийство, чтобы не попасть на растерзание Цезарю.
[33]- вторая война с Карфагеном (218-201 г. до н. э.) закончилась мирными переговорами.
[34]- учитель гладиаторов.
[35]- возвышенное название римлян.
[36] - один из семи холмов Древнего Рима.
[37]- Тит Лукреций Кар (ок. 98-55 г. до н. э.), римский поэт и учёный, автор известной поэмы «О природе вещей».
[38]- Гай Меммид Гемелл – народный трибун в 66 г. до н. э.
[39]- Луций Корнелий Цинна – в 87 г. до н. э. получил консульство, вёл борьбу с Суллой, Цезарь был женат на дочери Цинны.
[40]- Луций Сергий Катилина (108-62 г. до н. э.), организатор заговора против консулов и сената (66-62 г. до н. э.), но заговор был раскрыт Цицероном.
[41]- от ит. torso – туловище.
[42]- от лат. littera – буква, в типографском деле – металлический брусочек с обратным изображением буквы или знака.
[43]- район Древнего Рима между холмами, улица с таким же названием.
[44]- пираты Каликии, их базой был остров Крит, в руки пиратов попадал тогда даже Цезарь.
[45]- главенствующий класс в Древнем Риме.
[46]- жрецы Древнего Рима, предсказывающие погоду и события благодаря полёту птиц.
[47]- души умерших, живущие в доме (также их называли манами и пенатами).
[48]- сын ночи, символ сквернословия.
[49]- ремесленная мастерская, где использовался труд рабов.
[50]- парадная одежда, белый плащ с пурпурными полосками.
[51]- особое здание, где останавливались иностранные послы (в основном, греческие) в ожидании решений сената.
[52]- одно из племен, с которыми воевали древние римляне.

[53]- таверна Венеры Либитины, где собирались плебеи и рудиарии (согласно роману Р. Джованьоли).
[54]- столовая в доме богатого римлянина, в которой находился стол с примыкающими к нему с трёх сторон ложами.
[55]- имеется в виду Катилина.
[56]- один из полководцев понтийского царя Митридата, разбитого Суллой.
[57]- раб-сириец, поднявший в 136 г. до н. э. восстание, которое охватило всю Сицилию и было подавлено только в 132 г. до н. э. консулом Рупилием.
[58]- Кай Фульвий Флакк и Луций Кальпурнина Цисона были разбиты Эвионом.
[59]- царь Эпира, одержавший победу над римлянами в 280 г. до н. э., но потерпевший поражение при Беневенте и погибший при осаде Аргоса.
[60]- духовой музыкальный инструмент, используемый римлянами на войне.
[61]- Элизиум, или Елисейские поля, место, где, по верованиям древних римлян и греков, пребывают души праведников. Рай.
[62] и [63]- Корнелий Лентул Сура и Гай Корнелий Цетег – помощники в заговоре Катилины против консулов и сената.
[64]- судно с тремя рядами вёсел.
[65]- мелкая древнеримская монета.
[66]- просторное женское платье из тончайшей ткани.
[67]- Тит Сервилиан, претор, потерпевший поражение от Спартака на склоне Везувия.
[68]- от лат. Furia – имя каждой из трёх богинь мщения в древнеримской мифологии.
[69]- мим, приближенный к Сулле, прислуживал Эвтибите, делал доносы и пр. (по Р. Джованьоли).
[70]- гладиатор, один из вдохновителей и организаторов восстания рабов.
[71]- по верованиям древних греков, река мёртвых, которая семь раз огибает подземное царство.
[72]- древние водяные часы, подобные песочным часам.
[73]- согласно мифу, водоём, по которому Харон перевозит умерших людей в загробное царство.
[74]- Марсово поле, военный плац на берегу Тибра, где сожгли тело Суллы.
[75]- первая часть месяца.
[76]- Марк Валерий Мессала Нигер, сразившийся со Спартаком и потерпевший от него поражение (по данным Р. Джованьоли, он приходился братом Валерии, но официальные историки предполагают, что Мессала Нигер был отцом Валерии).
[77]- претор Публий Вариний, разбитый Спартаком.

[78]- от ит. a vista – по предъявлению, то есть надпись на векселе.
[79]- бывшие консулы.
[80]- женщина, нанимаемая в Древнем Риме на погребение для имитации плача.
[81]- мелкая древнеримская монета.
[82]- консул Марк Теренций Варрон Лукулл.
[83]- понтийский царь, против которого воевал Сулла.
[84]- туника с широкой пурпурной каймой, которою носили сенаторы.
[85]- по Р. Джованьоли, дочь Спартака и Валерии Мессалы (возможно, Суллы и Валерии).
[86]- от лат. tunica – одежда, которую носили древние римляне под тогой, длинная шерстяная или льняная рубаха с короткими рукавами.
[87]- от лат. basilica – здание прямоугольной формы с двумя продольными рядами колонн внутри.
[88]- город, в котором Спартаку оказали незначительное вооружённое сопротивление.
[89]- река.
[90]- гора, где, по представлениям древних греков, обитали богини искусств.
[91]- буквально: товарищ по палатке (помощник полководца).
[92]- древний город, о котором повествует Гомер.
[93]- один из друзей Спартака, галл.
[94]- сестра Спартака.
[95]- от гр. kymbalos – древний ударный музыкальный инструмент в виде двух медных чаш или тарелок.
[96]- от лат. fibra – волокно, символ душевных сил.
[97]- от лат. patricius – аристократ в Древнем Риме, представитель родовой знати.
[98]- жрецы.
[99]- от ит. fusto – стержень колонны.
[100]- от ит. fugetta – небольшая фуга, т. е. музыкальное произведение, последовательное исполнение одной музыкальной темы разными голосами.
[101]- от лат. litoralis – береговой, т. е. прибрежная полоса морского дна, которая заполняется во время прилива и осушается при отливе.

02-13.05.2011 г.

Об авторе

Шендаков Андрей Игоревич *родился 22 июня 1978 года на окраине города Болхова Орловской области. Стихи пишет с 12 лет, в 1999 году стал лауреатом районного поэтического конкурса, первое стихотворение было опубликовано в газете «Болховские куранты» в 2001 г. В 1996 году окончил училище, в 2001 – университет, а затем очную аспирантуру, в 2004 году защитил кандидатскую, в 2009 – докторскую диссертацию. Работал на селе в Болховском районе, с 2004 года преподаёт в университете. В 2003 году получал именную стипендию губернатора Орловской области. В настоящее время исполняет обязанности главного редактора международного научного журнала.*

Публиковался в журналах «Молодая гвардия» (2006, 2007, 2009-2011), «Наш современник» (2005, 2008), «Московский вестник» (2006), «Роман-журнал XXI век» (2004, 2009, 2010, 2014), «Огни Кузбасса» (2012), «Родная Ладога» (2012, 2014, 2015), «Стражник» (2013), «Приокские зори» (2013, 2014), «Парус» (2013), «Бийский вестник» (2014), альманахах «Орёл литературный» (2006-2014) и «Золотая строфа» (2011), газете «Российский писатель» (2009), сборниках «Симфония» (2006), «Зеркало Пегаса» (2008) и пр. Автор многих публикаций в газетах Орла и Орловской области (2001-2015).

Стипендиат Союза писателей России (2009), лауреат конкурса «Дети Солнца» (проза, 2006), Всероссийского поэтического конкурса им. С. Есенина (2010), Международного поэтического конкурса «Золотая строфа - 2011» (фирменные статуэтки в номинациях «Гражданская лирика» и «Стихи о любви»), Межрегионального литературного конкурса «Моя родная Русь», посвящённого 125-летию со дня рождения Н. С. Гумилёва (проза, 2011), Всероссийского литературного конкурса-фестиваля «Хрустальный родник» (2012, г. Орёл, стихи, I место), поэтического конкурса «Звуки Космоса» (2015).

Отмечен дипломом Международного конкурса детской и юношеской литературы имени А. Н. Толстого (2012, за поэму «Русская дорога»). Автор нескольких сборников стихов. С 2005 года состоял в Орловском литобъединении при Союзе писателей России, в 2013 году по результатам литературного конкурса «Хрустальный родник» принят в Союз писателей России.

Содержание

Сергей Донбай. *Узнавание поэта Андрея Шендакова* …. 3

I. Лучи в дорожной дымке

«Цветёт полынь – густа, горька…»……. 6
«Между прошлым и будущим – яма…»……. 7
«Что впереди?.. Рассудит Бог…»……. 8
«…А было ведь что-то, было…»……. 9
«Сменили время… Что в итоге?..»…….. 10
«Я помню надпись «БАКАЛЕЯ»…»……... 11
«И снова, снова – я в дороге…»……... 12
«Притупляются лучшие чувства…»…… 13
«В августе травы сухие…»……... 14
Июльский рассвет ……..... 15
Пророк *(баллада)*…… 16
«Эти стены безмолвны и сы́ры…»…….. 17
«Кому-то жить немного скучно…»……. 18
«Центр России, но – темень и глушь...»……. 19
Новая планета ……... 20
«Ушёл во тьму кровавый век…»……. 21
Новый город *(баллада)*…….. 22
«Среди холмов скитается река…»……... 24

II. «Летят на рассвет паруса…»

Ханский дворик……. 26
«Осколок кафельной луны…»……. 27
«Горячий Крым давно ли скучен?..»……... 28
Евпатория …….. 29
«Помню сосны, вершины, откосы…»……. 30
Крымские мотивы *(реминисценции)*……. 31
Керкинитида ……. 34
«Над ночными лиманами – свет…»…… 35
Майотта ……. 36
«К причалу, на мокрые плиты…»…… 37
«Вечерний Сочи душен, терпок…»……. 38
Сочинский мотив ……. 39

«Здесь бывает гроза слишком редко…»……. 41
«Мне снился Крым в осенних ярких красках…»……... 42

III. «И вновь открывается небо…»

«Журавли еле слышно несут…»……. 44
Весенние этюды…… 45
«Снова осень – и сердце всё глуше…»……... 47
«Вечерело – таинственно, строго…»…….. 48
«Я уже забываю…» ……. 49
На рассвете …… 51
Весна *(лирические этюды)*……. 52
SMS-ка…….. 56
Летние зарисовки *(лирические этюды)*…… 57
Полесье *(летние этюды)*…… 62
«…Зарекался сто раз…»…….. 64
О врагах……. 66
«Осень – лирика в лёгкой тунике…»…….. 68
Утро в ноябре …… 69
Зимние зарисовки *(лирические этюды)*……. 70
Первый снег …….. 75
Крановщик Иваныч *(из цикла «Живописные портреты»)*… 76
«И вновь открывается небо…»…… 77
Небесные реки *(цикл стихотворений)* …… 78
Сахара …… 83
Ночной вокзал *(сюжет)*…… 84
Марсианский игрок *(с иронией)*…… 85
Дальние звёзды ……. 86
I. Арктур …… 86
II. Бетельгейзе ……... 86
III. Сириус ……. 87
«Искрятся капельки дождя…»……. 88
«Словно между землёй и Вселенной…»……. 89
«…На бронзовом небе заплаты…»…….. 90
Лирический герой ……. 91
«…Словом можно сжигать города…»…… 92

IV. Рудиарий *(поэма)*

Рудиарий *(поэма о восстании рабов в Древнем Риме)* …….. 94
I. Вступление …… 94
II. Из истории Древнего Мира …… 96
III. Спартак на арене……. 98
IV. Знамение…….. 100
V. Начало восстания……. 103
VI. Первые победы…… 105
VII. Искушения Спартака……. 107
VIII. Последний бой…….. 109

Об авторе ……... 116

Шендаков Андрей Игоревич

УТРО В НОЯБРЕ

(лирическая поэзия)

Книга публикуется в авторской редакции
Технический редакторТ.А.Агапий
Фотографии С.Е. Ноздрунова (стр. 5, 14, 23, 46, 68, 89),
А.И. Шендакова
В оформлении книги использованы
фрагменты росписи
стен ресторана «Керкинитида у моря»,
г. Евпатория, Крым

Бюджетное учреждение культуры Орловской области
«Орловский Дом литераторов»
302028, г. Орёл, ул. Салтыкова-Щедрина, 1

Подписано в печать 12.05.2020 г. Формат 60х84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл.п.л. 6,97. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в АО «Типография «Труд».
302028, г. Орёл, ул. Ленина, 1.